Познакомьтесь с Ниро Вульфом

Автор:
Рекс Стаут

Познакомьтесь с Ниро Вульфом

Рекс Тодхантер Стаут

Великие сыщики. Ниро Вульф

Первый роман знаменитого американского писателя Рекса Стаута, классика детективного жанра, в котором появляются легендарный частный сыщик Ниро Вульф и его помощник Арчи Гудвин.

Рекс Стаут

Познакомьтесь с Ниро Вульфом

© Rex Stout, 1934, 1962

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.

ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014

Глава первая

Ехать за пивом в тот день светило, определенно, мне. Дело Фэрмонтского национального банка было закрыто еще на прошлой неделе, так что я поневоле оказался на побегушках. И если Вульфу взбредало в голову, он не стеснялся

гонять меня на Мюррей-стрит, хоть бы и за баночкой ваксы. Однако за пивом был послан Фриц. Сразу после обеда, не успев даже домыть посуду, он по звонку поднялся из кухни наверх, а вскоре уже садился в родстер[1 - Родстер – двухместный автомобиль с открытым кузовом и откидным верхом. – Ред.], который мы всегда парковали перед домом. Час спустя он вернулся со штабелем пивных ящиков на заднем откидном сиденье. Вульф находился в кабинете, как называли эту комнату мы с ним, – для Фрица она была библиотекой. Я же сидел в зале, погруженный в чтение книги об огнестрельных ранениях, в которой ни черта не понимал. Оттуда я и увидел в окно, как Фриц подкатывает к дому. То был неплохой повод размяться, так что я вышел и помог ему перенести ящики на кухню. Только мы принялись переставлять бутылки в шкафчик, как раздался звонок. Я проследовал за Фрицем в кабинет.

Вульф поднял голову. Я упоминаю об этом, поскольку в силу изрядной ее величины одно это движение, похоже, требовало труда. Пожалуй, она была даже больше, чем казалась, ибо на таком огромном теле любая другая голова осталась бы незамеченной.

– Где пиво?

– На кухне, сэр. В нижнем правом шкафчике, я полагаю.

– Подавай его сюда. Оно холодное? И еще открывалку и два бокала.

– Большей частью холодное, сэр. Слушаюсь.

Я ухмыльнулся, уселся в кресло и принялся с интересом следить за манипуляциями Вульфа с кусочками бумаги. Он наре?зал из нее кружки? и теперь передвигал их то так, то этак по папке с промокашками. Фриц меж тем начал приносить пиво, по шесть бутылок на подносе за раз. После его третьего рейса я усмехнулся, увидев, как Вульф обозрел боевые порядки на столе, а затем перевел взгляд на спину Фрица, удаляющегося из кабинета. Еще два полных подноса, и Вульф наконец остановил парад:

– Фриц, не скажешь ли, когда это закончится?

– Весьма скоро, сэр. Еще девятнадцать. Всего сорок девять.

– Чушь! Извини меня, Фриц, но это явная чушь.

– Да, сэр. Вы велели купить по одной бутылке каждого сорта, какой только можно приобрести. Я объездил по меньшей мере десяток магазинов.

– Ладно. Неси их сюда. И какие-нибудь соленые крекеры попроще. Ни одно не упустит своего шанса, Фриц. Это было бы несправедливо.

Жестом пригласив меня подвинуться к столу и принявшись откупоривать бутылки, Вульф объяснил, что намерен отказаться от бутлегерского пива, которое многие годы покупал бочонками и держал в холодильнике в подвале, если обнаружит в открытой продаже сносный слабоалкогольный сорт. Он также пришел к выводу, было сказано мне, что шесть кварт в день – это слишком. Отнимает много времени. Впредь он ограничит себя пятью. На это я лишь ухмыльнулся, ибо не поверил. И ухмыльнулся снова, представив, как кабинет заполнят пустые бутылки, если Фриц не будет выносить их день-деньской. Я повторил ему то, что говорил не единожды: пиво замедляет мышление. Это просто чудо, что он, вливающий в себя по шесть кварт каждый день, шевелит мозгами быстрее и лучше кого-либо в стране. На это он ответил, по обыкновению, что работает не его мозг, а низшие нервные центры. И, пока я открывал ему на пробу пятую бутылку, продолжал распространяться (отнюдь не впервые), что не оскорбит меня, проглотив мою лесть, ибо это или глупость, если я говорил искренне, или гнусное лицемерие, если хитрил.

Он причмокнул губами, отведав пятый сорт, поднял бокал и осмотрел янтарную жидкость на просвет.

– А вот это приятный сюрприз, Арчи. Даже не верится. Пессимизм имеет свои преимущества. Пессимиста ожидают лишь приятные сюрпризы, а оптимиста – лишь неприятные. Пока ни один сорт не оказался помоями. Как видишь, Фриц проставил на этикетках цены, и я начал с дешевого. Нет, не с этого, со следующего.

Вот тут-то я и услышал негромкий звонок, донесшийся с кухни, то есть от входной двери. И с этого звонка все и началось. Хотя в тот момент ничего интересного как будто не обнаружилось. Всего лишь Даркин, явившийся с просьбой об одолжении.

Даркин был парень что надо. Когда я задумываюсь, как туп он во многих отношениях, то диву даюсь, как он вообще может заниматься слежкой. Известно, что бультерьеры тупы, однако слежка – это нечто большее, чем просто повиснуть на хвосте, а выслеживать Фред Даркин умел. Однажды я спросил, как ему это удается, и он ответил: «Да я просто подхожу к объекту и спрашиваю, куда он направляется. А если вдруг теряю его, знаю, где искать». Полагаю, он был в курсе, как это смешно, – точно не знаю, просто догадываюсь. Когда дела пошли так, что Вульфу, как и всем прочим, от банкира до бродяги, пришлось урезать расходы, мой и Сола Пензера недельный заработок прискорбно сократился. Даркин же и вовсе перестал что-либо получать. Вульф вызывал его только в случае крайней необходимости и платил поденно. Так что время от времени я встречал Фреда и знал, что ему приходится туго. Работа подворачивалась редко, и я не видел Даркина месяц или даже больше, пока в тот день не раздался звонок и Фриц не привел его к дверям кабинета.

Вульф посмотрел на него и кивнул:

– Здравствуй, Фред. Я тебе что-нибудь должен?

Даркин, державший шляпу в руках, подошел к столу и покачал головой.

– Как поживаете, мистер Вульф? Сколь ни жалко, вы мне ничего не должны. Если б мне кто был должен, уж я бы с него не слезал.

– Присаживайся. Выпьешь пива?

– Нет, спасибо. – Фред остался стоять. – Я зашел попросить об одолжении.

Вульф снова поднял на него глаза, чуть выпятил сжатые в трубочку мясистые губы, втянул назад, снова выпятил и втянул. Как же я это обожал! Ничто не приводило меня в такой восторг, как это движение его губ. И неважно, чем оно было вызвано – каким-нибудь пустяком, вроде нынешнего визита Даркина, или же тем, что Вульф напал на след чего-то крупного и опасного. Я знал, что? происходит. Внутри него совершалось нечто стремительное и всеобъемлющее, способное охватить целый мир за одно озарение. Никто другой не смог бы этого постичь, сколько бы Вульф ни силился объяснить, чего он никогда не делал. Мне он кое-что растолковывал, когда доставало терпения. И я как будто улавливал суть, однако лишь потому, как сознавал впоследствии, что обнаруживались

реальные доказательства, позволявшие мне принять его догадки. Это все равно как оказаться с Вульфом в незнакомой вам обоим темной комнате, признался я однажды Солу Пензеру. Вульф детально ее описывает. Потом включается свет, и ты принимаешь за истину ход его рассуждений, потому что видишь перед собой именно то, что он и описывал.

И вот сейчас Вульф ответил Даркину:

– Тебе известно, что дела у меня идут неважно. И раз ты не просишь в долг, значит, тебе есть что предложить в ответ на любезность. Что же это?

Даркин нахмурился. Вечно Вульф расстраивал его планы.

– Деньжат в долг я бы перехватил. Мало кому они нужны больше моего. Но как вы догадались, что это не тот случай?

– Неважно. Арчи объяснит. Ты был бы сильнее сконфужен. Да и женщину с собой не привел бы. Так что же это?

Я подался вперед и встрял в разговор:

– Черт, да он один! Я пока еще не оглох!

По огромной туше Вульфа пробежала мелкая дрожь, заметная лишь тем, кто, подобно мне, наблюдал ее прежде.

– Ну конечно, Арчи, слух у тебя отменный. Вот только слышать было нечего. Леди не издала ни звука, различимого на таком расстоянии. И Фриц не обращался к ней. Но в его приветствии Фреду сквозила учтивость, которую он обычно припасает для слабого пола. Если я услышу, что Фриц в такой манере обращается к одинокому мужчине, то немедленно отправлю его к психоаналитику.

Даркин пояснил:

– Это подруга моей жены. Ее лучшая подруга. Моя жена – итальянка, как вы знаете. Может, и не знаете, но так оно и есть. Как бы то ни было, у этой ее

подруги неприятности. Или это она так думает. По мне так, сущая чепуха. Мария пристает к Фанни, Фанни пристает ко мне, и обе вместе донимают меня. И все потому, что однажды я ляпнул Фанни, будто у вас внутри сидит дьявол, который может разгадать все на свете. Глупость, конечно же, мистер Вульф, но вы-то знаете, как это бывает, когда дашь волю языку.

На это Вульф сказал лишь:

– Приведи ее.

Даркин вышел в прихожую и тут же вернулся в сопровождении женщины. Она была маленькой, но не худой, черноглазая и черноволосая, итальянка с головы до пят, хотя и не того типа, что вечно кутаются в платки. Возраст уже сказывался на ней, однако в своем розовом хлопковом платье и черном вискозном жакете выглядела она опрятно и привлекательно. Я пододвинул для нее кресло, и она села лицом к Вульфу и свету.

Даркин представил их друг другу:

– Мария Маффи, мистер Вульф.

Она мимолетно улыбнулась Фреду, обнажив ряд белых зубок, и, обращаясь к Вульфу, поправила:

– Мария Маффеи.

– Не миссис Маффеи? – уточнил Вульф.

Женщина покачала головой:

– Нет, сэр. Я не замужем.

– Но попали в беду.

– Да, сэр. Мистер Даркин подумал, что вы вполне сможете…

– Расскажите нам, что? произошло.

– Хорошо, сэр. Это все мой брат Карло. Он ушел.

– Куда ушел?

– Не знаю, сэр. Поэтому-то я и боюсь. Его нет уже два дня.

– А где он… Нет-нет. Никаких догадок, только факты. – Вульф повернулся ко мне: – Подключайся, Арчи.

Стоило ему лишь произнести свое «нет-нет», как я уже извлек блокнот. Вести записи перед Вульфом доставляло мне больше всего удовольствия. Я прекрасно знал, что уж тут-то не оплошаю. Однако на сей раз работы оказалось совсем немного. Этой женщине, как и мне, было известно, чему нужно уделять внимание. Она выложила свою историю быстро и без обиняков. Мария Маффеи вела хозяйство в шикарных апартаментах на Парк-авеню, там же и жила. Ее брат Карло, двумя годами старше, проживал в меблированных комнатах на Салливан-стрит. Он работал по металлу и знал в этом толк, по ее словам. Много лет он получал неплохое жалованье, трудясь в ювелирной фирме «Рэтбан энд Кросс», однако позволял себе выпивать и порой не появлялся в мастерской, а потому был уволен в числе первых с наступлением Великой депрессии. Какое-то время он перебивался случайными заработками, потом жил на свои скромные сбережения, а прошлую зиму и весну и вовсе на то, что давала сестра. Где-то в середине апреля, совершенно пав духом, Карло решил вернуться в Италию. Мария согласилась помочь ему деньгами. Собственно, она купила ему билет на пароход. Но неделю спустя брат вдруг объявил, что отъезд откладывается. Он не объяснил причину, однако утверждал, что более денег ему не требуется. Вскоре он сможет отдать ей все долги и, по-видимому, все-таки остаться в Штатах. Он никогда не отличался особой разговорчивостью, а уж относительно этих новых планов и вовсе хранил упрямое молчание. И вот теперь он пропал. В субботу он позвонил сестре. Они договорились встретиться в понедельник вечером, в ее свободное время, в итальянском ресторанчике на Принс-стрит, где частенько вместе ужинали. Карло жизнерадостно добавил, что у него будет с собой достаточно денег, чтобы полностью расплатиться с ней и даже одолжить ей, если в этом есть необходимость. Она прождала его вечером в понедельник до десяти часов, а затем отправилась в меблированные комнаты, где жил брат. Там ей сообщили, что он ушел после семи и с тех пор не возвращался.

– Позавчера, – отметил я.

Даркин, как я увидел, тоже раскрыл блокнот и теперь согласно кивнул:

– Понедельник, четвертое июня.

Вульф покачал головой. Все это время он сидел неподвижно, отстраненный, словно гора, уперев в грудь подбородок. И вот теперь голова его чуть качнулась, и он прошептал:

– Даркин, сегодня среда, седьмое июня.

– Да ну? – изумился Фред. – Как скажете, мистер Вульф.

Вульф ткнул в сторону Марии пальцем:

– То был понедельник?

– Да, сэр, конечно же. По понедельникам я бываю свободна вечерами.

– Тогда вам лучше знать. Даркин, сделай поправку в своей записной книжке. А лучше просто выкини ее. Ты на год опережаешь время. Четвертое июня выпадет на понедельник в следующем году. – Он обратился к женщине: – Мария Маффеи, с сожалением вынужден дать вам не лучший, но единственно возможный совет: обратитесь в полицию.

– Я обращалась, сэр. – Глаза ее вспыхнули возмущением. – Там сказали, что брат смылся с моими денежками в Италию.

– Возможно, так оно и есть.

– Ах нет, мистер Вульф. Вам ли не знать. Вот я перед вами. Вы же понимаете, что я не могу успокоиться на этом, когда речь идет о судьбе брата.

– Полиция сказала, на каком пароходе отплыл ваш брат?

– Да откуда! Не было никакого парохода! Они ничего не расследуют. Даже не помышляют об этом. Просто твердят, что он уехал в Италию.

– Понятно. Говорят первое, что в голову придет. Ладно. Сожалею, но все равно ничем помочь не могу. Могу лишь строить предположения. Ограбление? Где же тогда его тело? Обратитесь в полицию снова. Рано или поздно тело найдется, и загадка будет решена.

Мария Маффеи покачала головой:

– Я не верю в это, мистер Вульф. Не верю, и все. Кроме того, был телефонный звонок.

Я вмешался:

– Вы не упоминали никакого звонка.

Она широко улыбнулась мне:

– Я не успела. Брату звонили в меблированные комнаты незадолго до семи. Телефон находится в коридоре нижнего этажа, и служанка слышала разговор. Брат разволновался и согласился встретиться с кем-то в половине восьмого. – Она повернулась к Вульфу: – Вы ведь можете помочь мне, сэр. Можете помочь мне найти Карло. Пожив среди американцев, я научилась выглядеть холодной как камень. Но я итальянка и должна найти своего брата. Должна узнать, кто причинил ему вред.

Вульф лишь покачал головой. Она не обратила на это внимания.

– Вы должны, сэр. Мистер Даркин говорит, у вас туго с деньгами. А у меня кое-что осталось, и я могу покрыть все расходы. Быть может, даже заплатить больше. И вы друг мистера Даркина, а я подруга миссис Даркин, моей милой Фанни.

Вульф отрезал:

– У меня нет друзей. Сколько вы сможете заплатить?

Она колебалась.

– Сколько у вас есть?

– Ну… Больше тысячи долларов.

– И сколько из этого вы заплатите?

– Я заплачу… Я заплачу все. Если вы найдете моего брата живым, я заплачу все. Если вы найдете его мертвым и укажете мне, где его тело и кто убийца, я все равно заплачу достаточно. Только сначала мне придется оплатить похороны.

Веки Вульфа медленно опустились и так же медленно поднялись. Это, как мне было известно, означало одобрение. Сколько же раз я ожидал этого знака (и зачастую напрасно), когда отчитывался перед ним. Он произнес:

– Вы практичная женщина, Мария Маффеи. Даже больше. Вы, возможно, женщина чести. Вы правы, во мне есть нечто способное помочь вам. Это гений. Однако пока ничто из сказанного вами не пробудило его. И неясно, проснется ли он в ходе поисков вашего брата. Так или иначе, мы начнем с обычной рутины, а расходы на нее невелики. – Он обратился ко мне: – Арчи, отправляйся в меблированные комнаты, где жил Карло Маффеи. Его сестра будет сопровождать тебя, чтобы подтвердить твои полномочия. Поговори со служанкой, которая слышала звонок, и со всеми прочими. Осмотри комнату. Если обнаружится какой-нибудь след, вызови сюда Сола Пензера на любое время после пяти. Прихвати с собой все, что сочтешь важным.

Я подумал, что вовсе не обязательно так глумиться надо мной перед посторонними. Однако мне давно уже стало понятно, что возмущаться его выходками совершенно бессмысленно. Мария Маффеи поднялась со стула и поблагодарила его.

Даркин шагнул вперед:

– Касательно того, что у вас туго с деньгами, мистер Вульф… Вам ли не знать, что, когда дашь волю языку…

Я пришел к нему на выручку:

– Пошли, Фред. Мы поедем на родстере, и я подброшу тебя по пути.

Глава вторая

Припарковав большой черный и блестящий родстер перед домом на Салливан-стрит, номер которого назвала Мария Маффеи, я испытал опасения, что могу уже никогда не увидеть его, то есть родстер, полным жизни и довольства. Улочка была завалена мусором и кишела итальянскими сорванцами, с воплями носившимися туда-сюда подобно черноглазым бесенятам. Однако мне доводилось оказываться с этой машиной и в местах похуже. Например, в ту ночь, когда я преследовал двухместный «пирс-арроу» молодого Грейвса. Он удирал от меня с зажатым между колен портфелем изумрудов через весь округ Пайк, от самого Нью-Милфорда. Вверх-вниз по горам, в грязи по колено, в самый скверный дождь, какой я только видывал. Вульф требовал отгонять машину в ремонт при появлении малейшей царапины, дабы родстер всегда выглядел как новенький. И в этом я, естественно, полностью его поддерживал.

Перед нами был обычный пансион, каких много. По той или иной причине все они одинаковы, будь то заведение с претензией на Пятидесятых улицах либо в возведенных из бурого песчаника кварталах к западу от Центрального парка, где селятся благонравные художницы, или же итальянский притон вроде этого, на Салливан-стрит. С некоторыми мелкими различиями, конечно. Такими, как запах чеснока, например. Сперва Мария Маффеи отвела меня к домовладелице, славной толстухе с влажными ладонями, приплюснутым носом и множеством колец на пальцах, а затем проводила вверх по лестнице в комнату брата. Я немного осмотрелся, пока Мария ходила за служанкой, подслушавшей тот телефонный разговор. Комната приличных размеров, с двумя окнами располагалась на третьем этаже. Ковер был потертый, мебель старая и кое-где поломанная. Однако жилище содержалось в чистоте и в целом производило бы неплохое впечатление, если бы не крики уличной шпаны, ворвавшиеся внутрь, едва я открыл окно, чтобы проверить, остались ли еще у родстера колеса. В углу один на другом лежали два больших саквояжа, один хлипкий, старый и уже совершенно негодный, другой тоже старый, но все еще крепкий, в весьма хорошем состоянии. Оба не были заперты. Хлипкий оказался пуст, пригодный же

содержал множество небольших инструментов различной формы и величины, частью с бирками ломбарда, а также куски дерева, металла и запчасти вроде пружин. В шкафу обнаружились мужской костюм, два рабочих комбинезона, пальто, две пары туфель и фетровая шляпа. Ящики комода с зеркалом, стоявшего между окнами, заключали в себе набор (не такой уж и скудный для человека, около года жившего за счет сестры) рубашек, галстуков, носовых платков, носков и разнообразнейшего хлама вроде шнурков, карандашей, фотокарточек и пустых жестянок из-под трубочного табака. В верхнем ящике нашлась скрепленная резинкой пачка из семнадцати писем в конвертах, сплошь с итальянскими марками. Там же беспорядочно валялись чеки, оплаченные счета, упаковка писчей бумаги, несколько вырезок из газет и журналов да собачий ошейник. На крышке перед зеркалом помимо расчески, щеток и прочих причиндалов, как называл это Вульф, лежал пяток книг (на итальянском, кроме одной) с множеством рисунков и схем и груда журналов, трехлетняя подборка ежемесячных выпусков одного и того же издания – «Художественная обработка металла». В углу подле правого окна стоял простой верстак из необработанного дерева, с изрезанной и исцарапанной столешницей, на которой располагались небольшие тиски, точильный камень и полировальный станок с электрическим шнуром, достаточно длинным, чтобы дотягиваться до лампового патрона, плюс еще кое-какие инструменты вроде тех, что хранились в саквояже. Я осматривал точило, чтобы определить, как давно им пользовались, когда появилась Мария Маффеи со служанкой.

– Это Анна Фиоре, – представила ее Мария.

Я подошел и пожал руку горничной, невзрачной девчушке лет двадцати с кожей цвета высохшего теста. Вид у нее был такой, словно ее напугали в младенчестве и она до сих пор не оправилась от потрясения. Я назвался и сказал, что узнал от мисс Маффеи, будто Анна слышала разговор мистера Маффеи по телефону перед его уходом в понедельник вечером. Служанка кивнула.

Я обратился к Марии:

– Полагаю, мисс Маффеи, вы хотели бы вернуться к себе на Парк-авеню. Мы с Анной поладим.

Она покачала головой:

– Если я вернусь к ужину, ничего страшного не случится.

Это меня немного разозлило. Положа руку на сердце, я был согласен с Даркином, что дело безнадежное и мы понапрасну тратим на него время. Поэтому я заявил Марии Маффеи, что с легкостью справлюсь без нее и ей лучше уйти. Если что появится, Вульф даст ей знать. Она бросила взгляд на служанку, показала мне зубки и ушла.

Я поставил пару стульев друг перед другом, усадил девушку на один из них и выудил свой блокнот.

– Тебе нечего бояться, – успокоил я ее. – Ты окажешь услугу мисс Маффеи, а также ее брату. А быть может, получишь кое-какие деньжата. Только и всего. Тебе нравится мисс Маффеи?

Анна как будто насторожилась, удивившись, что кто-то счел необходимым озаботиться ее симпатиями и антипатиями, однако ответ ее был вполне ожидаем:

– Да, нравится. Она милая.

– А мистер Маффеи?

– Да, конечно. Он всем нравится. Если только не пьяный. Вот тогда девушкам стоит держаться от него подальше.

– Как получилось, что ты услышала звонок в понедельник вечером? Ты его ждала?

– Да как же я могла ждать его?

– Не знаю. Это ты взяла трубку?

– Нет, сэр. Миссис Риччи. Она велела мне позвать мистера Маффеи, и я поднялась наверх. Потом я убирала в столовой, а дверь была открыта, и потому я услышала его разговор.

– Ты слышала, что? он отвечал?

– Ну конечно. – В ее голосе прозвучала насмешка. – Мы всегда слышим каждое слово из того, что жильцы говорят по телефону. Миссис Риччи тоже слышала. Причем то же самое, что и я.

– И что он говорил?

– Сначала он сказал: «Алло». Потом: «Да, это Карло Маффеи. Чего вы хотите?» А после: «Про свое дело я скажу вам при встрече». Дальше он спросил: «А почему не здесь, в моей комнате?» И заявил: «Нет, я не боюсь. Это не я должен бояться». Миссис Риччи говорит, будто он ответил: «Испугался вовсе не я», но она путает. А затем он сказал: «Конечно, мне нужны деньги, и намного больше». Потом: «Договорились, полвосьмого на углу», и еще: «Вас не касается, что? меня беспокоит». И наконец: «Да, полвосьмого, я помню машину». – Она умолкла.

Я спросил:

– С кем он разговаривал?

Я, понятное дело, ожидал услышать, что она не в курсе, коли этого не знала Мария Маффеи, однако Анна ответила:

– С человеком, который звонил ему и раньше.

– Раньше? Когда?

– Всего несколько раз. В мае. Однажды два раза за день. Миссис Риччи говорит, до понедельника всего девять раз.

– Ты когда-нибудь слышала его голос?

– Нет, сэр. Трубку всегда берет миссис Риччи.

– А ты когда-нибудь слышала, как его зовут?

– Нет, сэр. Миссис Риччи стало любопытно, и она спрашивала, но он всегда отвечал: «Неважно, скажите ему, что его просят подойти к телефону».

Я начал склоняться к мысли, что, пожалуй, из этого может выйти кое-что занятное, а возможно, нам даже перепадут кой-какие деньги. Не то чтобы они меня особо интересовали – это по части Вульфа. Развлечение – вот чего я искал. Как бы то ни было, дело могло обернуться не обычным ограблением и трупом в Ист-Ривер. Я решил посмотреть, что? можно выведать, и взялся за девчонку как следует. Я неоднократно был свидетелем того, как это проделывает Вульф. Конечно, я знал, что по большей части успех ему приносит какое-то шестое чувство, мне несвойственное. Однако многого он все же добивался за счет терпения и удачи. Так что я взялся за Анну. Я угробил на нее два часа и собрал уйму фактов, но ни один из них ничего мне не давал. Раз я было решил, что напал на след. Выяснилось, что Карло Маффеи водил шашни с двумя женщинами, с которыми время от времени появлялся открыто, и что одна из них замужем. Но, убедившись, что дамочек никак не связать с телефонным звонком, я оставил эту нить. Маффеи упоминал о возвращении в Италию, но в подробности не входил. Своему делу он отдавался со всей душой. Ему никто не звонил, за исключением сестры да сохранившегося со времен былого процветания приятеля, с которым он иногда ужинал. В общем, я выкачивал сведения битых два часа, но лучик так и не блеснул. Однако нечто не давало мне объявить дело беспросветным и взяться за шляпу. Наконец я сказал служанке:

– Подожди здесь минуточку, Анна. Я спущусь и переговорю с миссис Риччи.

Домовладелица подтвердила изложенную горничной версию телефонного разговора и посетовала, что понятия не имеет, кем был звонивший, хотя несколько раз и пыталась это выяснить. Я задал ей пару-тройку вопросов о том о сем, а потом попросил отпустить со мной Анну. Она ответила отказом: близится обед, и подавать его одна она не может. Пришлось продемонстрировать ей долларовую банкноту. В ответ она спросила, когда может ожидать возвращения служанки. Та должна возвратиться никак не позже девяти вечера, предупредила она.

Вручив ей доллар, я ответил:

– Ничего не могу обещать, миссис Риччи. Когда мой шеф начинает задавать вопросы, время ничего не значит для него. Но она вернется целой и невредимой

как можно скорее.

Я поднялся наверх, позвал Анну и прихватил кое-что из ящика комода. Когда мы вышли на улицу, я с облегчением обнаружил, что родстер не лишился ни крыла, ни запаски.

По городу я катил неспешно, не торопясь добраться до Тридцать Пятой улицы. С четырех до шести Вульф неизменно возился с растениями наверху. Потревожить его в эти два часа без крайней необходимости было не самой лучшей идеей. Родстер Анну просто потряс, она спрятала ноги под сиденье и сцепила руки на коленях. Это меня позабавило. Я даже почувствовал к ней расположение и пообещал ей доллар, если она расскажет моему шефу что-нибудь полезное. Была минута или две седьмого, когда я остановился перед старым городским особняком менее чем в квартале от реки Гудзон, где Вульф проживал вот уже двадцать лет, треть из которых с ним провел я.

Тем вечером Анна не вернулась домой к девяти часам. Только после одиннадцати Вульф послал меня в редакцию «Таймс» за газетами, и было далеко за полночь, когда мы в конце концов добились от Анны толку. К тому времени миссис Риччи звонила уже три раза. Когда я доставил девушку на Салливан-стрит почти в час ночи, домовладелица ожидала нас у дверей, возможно с готовой отповедью. Однако она не проронила ни слова, ограничившись испепеляющим взглядом. Я отдал Анне доллар, ибо на то имелась причина.

Я отчитался перед Вульфом наверху, в солярии перед оранжереей, оставив Анну в кабинете. Он сидел развалившись в огромном кресле. Красно-коричневая орхидея сантиметров двадцати в размахе щекотала ему затылок. Выглядел он совершенно незаинтересованным. Ему и вправду было неинтересно. Он едва взглянул на мои записи и вещи из комнаты Маффеи. Правда, Вульф согласился, что звонок наводит на размышления. Однако вряд ли ради этого стоило себя утруждать. Я пытался убедить его взяться за девушку, раз уж она ждет внизу. Вдруг что и выяснится? Наконец я выпалил со злостью:

– В конце концов, это стоило мне доллара. Пришлось задобрить домовладелицу.

– Это был твой доллар, Арчи.

– Нет, сэр. Это был доллар из средств на текущие расходы. Он занесен в бухгалтерскую книгу.

Я направился с ним к лифту. Если бы ему приходилось спускаться и подниматься пешком, думаю, он никогда бы не появился наверху. Даже ради растений.

Он тут же принялся за Анну. Это было прекрасно, хотя пятью годами ранее я бы этого не оценил. Красота заключалась в абсолютной всеохватности расспросов. Если девушка владела хотя бы крупицей информации, если в ее памяти хранилось полустертое ощущение или реакция, способная указать нам след или дать намек, они просто не могли ускользнуть от Вульфа. Он допрашивал служанку на протяжении пяти часов. Его интересовал тембр голоса Карло Маффеи, его привычки, манера одеваться, пристрастия в еде, характер, умение вести себя за столом, отношения с сестрой, миссис Риччи, самой Анной и всеми, с кем Анна когда-либо встречала его. Вульф расспрашивал ее о миссис Риччи, о всех жильцах, снимавших комнату в пансионе за два последних года, о соседях и торговцах, доставлявших товары на дом. Все это он проделывал с легкостью и неспешно, заботливо следя за тем, чтобы не утомлять ее. Совсем не так, как в тот раз, когда при мне допрашивал Лона Грейвса. Его Вульф мочалил почти целый день и в итоге едва не свел с ума. Мне казалось, что он выудил из девчонки лишь одно, да и то немногое. Признание, что она вынесла нечто из комнаты Маффеи тем самым утром в среду. Бумажки из ящика комода, с клеевым слоем на обороте и напечатанными названиями пароходов «Лючия» и «Фьоренца» на лицевой стороне. Конечно же, это были багажные наклейки. Полистав подшивки газет, я выяснил, что «Лючия» отплыла 18 мая, а «Фьоренца» – 3 июня. По-видимому, Маффеи намечал отъезд в Италию не один раз, а дважды, и оба раза откладывал. Анна, по ее словам, взяла бумажки, потому что они были очень яркие. Ей захотелось наклеить их на сундук, в котором она хранит одежду. За ужином, когда мы все трое сидели в столовой, Вульф оставил Анну в покое и говорил лишь со мной, в основном о пиве. Однако, когда настал черед кофе, он отвел нас назад в кабинет и вновь принялся за расспросы. Он ходил вокруг да около и возвращался обратно, наугад набрасывался на темы столь неуместные и незначительные, что любой, кто прежде не видел, как он из подобной шляпы вытаскивает кролика, несомненно, принял бы его за психа. К одиннадцати я совершенно вымотался, отчаянно зевал и готов был сдаться, досадуя, что Вульф не выказывает ни малейших признаков нетерпения или разочарования.

Затем он внезапно попал в точку:

– Так мистер Маффеи никогда не дарил вам подарков?

– Нет, сэр. Кроме той коробки мела, о которой я говорила. И газет, если это можно назвать подарком.

– Да. Вы сказали, что он всегда отдавал вам свою утреннюю газету. «Таймс».

– Да, сэр. Однажды он сказал мне, что выписывает ее из-за объяв. Ну, знаете, объяв о работе.

– А в понедельник утром он отдал вам газету?

– Обычно он отдавал мне ее днем. В понедельник днем, да, сэр.

– Полагаю, тем утром не произошло ничего особенного.

– Нет, сэр.

Очевидно, Вульф уловил, как что-то мелькнуло у нее в глазах. Нечто едва заметное, ускользнувшее от моего внимания. Во всяком случае, он стоял на своем:

– Точно ничего особенного?

– Нет, сэр. Кроме… Ну конечно… Вырезка!

– Вырезка?

– Он вырезал кусок газеты. Большой кусок.

– А он часто делал вырезки?

– Да, сэр. В основном вырезал объявы. Может, только их и вырезал. Я заворачивала в газеты отбросы, и мне приходилось просматривать, нет ли в бумаге дырок.

– Но это был большой кусок.

– Да, сэр.

– Значит, не объявление. Вы уж простите меня, мисс Фиоре, что я не говорю «объява». Предпочитаю не употреблять этого слова. Значит, из понедельничной газеты он вырезал не объявление.

– Ах нет, это было на первой странице.

– Вот как? А он когда-нибудь до этого делал вырезки на первой странице?

– Нет, сэр. Точно нет.

– Ничего, кроме объявлений?

– Ну, я не совсем уверена в этом. Пожалуй, только их. Мне так кажется.

С минуту Вульф сидел, опустив подбородок на грудь. Затем повернулся ко мне:

– Арчи, дуй на Сорок Вторую улицу и привези двадцать экземпляров понедельничной «Таймс».

Я был только рад взбодриться. Не то чтобы наметился повод для воодушевления. Я понимал, что Вульф всего лишь нащупал единственную трещинку, из-за которой мог блеснуть свет. Я не ожидал ничего особенного и полагал, что он не ожидает тоже. Однако июньская ночь выдалась чудесной – прохладной, но спокойной и приятной, и, мчась через город к Бродвею и поворачивая на север, я с удовольствием вдыхал свежий воздух, подставляя лицо ветру. На Таймс-сквер я приметил знакомого копа, Марви Дойла, который прежде патрулировал Четырнадцатую улицу, и он позволил мне оставить машину на обочине Бродвея, пока я наведаюсь через улицу к редакции «Таймс». Тротуары были запружены толпами, валящими из театров и кино и решающими, потратить ли пару баксов в нелегальном кабаке или ограничиться десятью центами в «Нидиксе»[2 - «Нидикс» – сеть дешевых ресторанчиков быстрого питания, где подавали кофе с пончиками, а позднее хот-доги с фирменной горчицей. Долгие годы была одной из характерных примет Нью-Йорка. – Ред.].

По возвращении в кабинет я обнаружил, что Вульф дал девушке передышку. Он велел Фрицу принести пиво, и теперь Анна потягивала его маленькими глотками, словно горячий чай. На ее верхней губе осталась полоска высохшей пены. Сам он прикончил три бутылки, хотя я отсутствовал не дольше двадцати минут. Стоило мне войти, как он объявил:

– Надо было сказать тебе, что нужен городской выпуск.

– Точно. Именно его я и привез.

– Хорошо. – Он повернулся к девушке: – Если не возражаете, мисс Фиоре, будет лучше, если вы не увидите наших приготовлений. Разверни ее кресло, Арчи. Туда, к столику, чтобы ей было куда поставить стакан с пивом. Теперь газеты. Нет, не отрывай ничего. Думаю, лучше оставить лист целым. Ведь именно так она впервые увидела его. Отложи вторую часть газеты. Она пригодится мисс Фиоре. Подумай, сколько отбросов в нее поместится. Сюда.

Я развернул перед ним на столе первую часть газеты, и он, потянувшись из кресла, склонился над ней. Так гиппопотам в зоопарке готовится пообедать. Я вытащил вторую часть из всех выпусков и сложил стопкой на стуле, затем взял первую страницу и принялся ее изучать. На беглый взгляд никакой надежды она не вселяла. В Пенсильвании бастовали шахтеры. Национальное управление экономического восстановления[3 - Национальное управление экономического восстановления – одно из федеральных ведомств, проводивших в жизнь рузвельтовский «Новый курс», который был призван вывести США из Великой депрессии. – Перев.] спасало страну, чему посвящались сразу три статьи. Двое парней пересекли Атлантику в тридцатифутовой шлюпке. У ректора университета случился сердечный приступ на площадке для гольфа. В Бруклине гангстера выкурили из квартиры с помощью слезоточивого газа. В Алабаме линчевали негра. А где-то в Европе некто обнаружил старинную картину. Я украдкой взглянул на Вульфа: он с головой ушел в изучение страницы. Единственно достойным внимания мне представлялось найденное в Швейцарии полотно, которое предположительно украли в Италии. Однако, когда Вульф наконец достал из ящика ножницы, вырезал он вовсе не эту статью, а заметку о бандите. Затем он отложил страницу в сторону и потребовал другую такую же. Я подал ему газетную полосу и ухмыльнулся, увидев, что на сей раз он взялся за сообщение о картине. Что ж, я пришел вторым. Когда же он потребовал третью страницу, мне стало любопытно, и я таращился на него, пока он вырезал заметку о происшествии с университетским ректором. Вульф это заметил и, не

поднимая глаз, произнес:

– Молись, чтобы это была она, Арчи. Тогда к Рождеству у нас появится ангрекум сескупедале.

Я сумел написать это мудреное название, потому что вел счета, учитывая расходы на орхидеи (равно как и на все остальное), но произнести его мог не лучше, чем усмотреть связь между ректором и Карло Маффеи.

– Покажи ей одну страницу, – велел Вульф.

Последняя изрезанная им полоса лежала сверху, но я пропустил ее и взял следующую: статья о картине, заключенная в жирную рамку, располагалась в нижней правой четверти страницы. Я развернул лист перед Анной. Вульф сказал:

– Взгляните, мисс Фиоре. Этот кусок был вырезан из газеты, которую вы видели в понедельник утром?

Ей хватило беглого взгляда:

– Нет, сэр. Большой кусок был вырезан наверху, вот здесь. Дайте я покажу…

Я быстро убрал газетную полосу, прежде чем девушка успела до нее дотянуться, положил на стол, взял следующую и развернул. На этот раз она несколько помедлила с ответом:

– Вот этот, сэр.

– Вы уверены?

– Вырезан был именно он, сэр.

Какое-то время Вульф молчал, потом вздохнул и велел:

– Поверни кресло, Арчи.

Я взялся за ручку кресла и крутанул его вместе с девушкой. Вульф испытующе посмотрел на нее:

– Вы уверены, мисс Фиоре, что вырезали именно это место?

– Совершенно уверена, сэр. Это точно.

– Вы видели саму вырезку? В его комнате, в мусорной корзине, быть может, или у него в руках?

– Нет, не видела. И ее не могло быть в мусорной корзине, потому что у него в комнате нет корзины.

– Хорошо. Если бы все доводы были столь же убедительны, как этот. Можете отправляться домой, мисс Фиоре. Вы хорошо вели себя, были любезной и терпеливой. И, в отличие от большинства особ, во избежание встреч с которыми я не выхожу из дома, вы способны держать в узде язык. Не ответите ли на еще один вопрос? Сделайте одолжение.

Она совершенно измучилась, но у нее все же достало сил прийти в замешательство, которое отразилось в глазах. Девушка уставилась на Вульфа, а он продолжил:

– Всего один вопрос. Вы когда-нибудь видели в комнате Карло Маффеи клюшку для гольфа?

Если он хотел достичь кульминации, то это у него получилось. Впервые за все прошедшие часы девушка не смогла вымолвить ни слова. Было даже забавно, насколько явной оказалась ее реакция. Какое-то мгновение она лишь таращилась на Вульфа. Затем, когда смысл вопроса дошел до нее, та немногая краска, что еще оставалась у нее на лице, сошла окончательно. Она побледнела как полотно, челюсть отвисла. Она выглядела совершенной идиоткой, ее всю трясло.

Вульф невозмутимо сверлил девушку взглядом:

– Когда вы ее видели?

Неожиданно губы Анны плотно сжались, а руки на коленях стиснулись в кулаки.

– Нет, сэр, – только и пробормотала она. – Нет, сэр, никогда не видела.

Вульф смотрел на нее секунду-другую, затем изрек:

– Ладно. Все в порядке, мисс Фиоре. – Он повернулся ко мне: – Отвези ее домой.

Девушка даже не пыталась подняться, пока я не подошел к ней и не тронул за плечо. Тогда она оперлась о подлокотники и встала. Вульф, определенно, на чем-то ее поймал, но все-таки она не выглядела напуганной, скорее, сокрушенной. Я снял ее жакет со спинки кресла и помог надеть его. Когда она направилась к двери, я обернулся, чтобы сказать кое-что Вульфу, и глазам своим не поверил: он поднимал себя из кресла, чтобы встать! В самом деле! Однажды я видел, как он не снизошел до подобной любезности, когда из этой самой комнаты выходила женщина, обладавшая состоянием в двадцать миллионов американских долларов и имевшая в мужьях английского герцога. Но я все же сказал, что собирался:

– Я пообещал ей доллар.

– Тогда, боюсь, тебе придется раскошелиться. – Он повысил голос, чтобы его услышали в дверях: – Спокойной ночи, мисс Фиоре.

Она не ответила. Я прошел за ней в прихожую и отвел к родстеру. Когда мы добрались до Салливан-стрит, на крыльце нас поджидала миссис Риччи и глаза ее так сверкали, что я счел за благо не задерживаться ради любезностей.

Глава третья

К тому времени, когда я поставил автомобиль в гараж и прошел два квартала назад до Тридцать Пятой улицы, кабинет погрузился во тьму. Поднявшись по лестнице, я увидел под дверью спальни Вульфа полоску света. Я часто задавался вопросом, как же ему удается раздеваться. Мне было доподлинно известно, что в этом Фриц ему не помогает. Фриц спал наверху, через коридор

от оранжереи. Моя же комната, как и спальня Вульфа, располагалась на втором этаже. Просторное помещение в передней части дома с собственной ванной и парой окон. Я прожил в нем семь лет. Оно, определенно, стало моим домом. И, судя по всему, ему предстояло оставаться таковым еще лет семь или даже двадцать семь, ибо единственная девушка, к которой я питал слабость, подыскала себе другую партию, пришедшуюся ей больше по душе. Тогда-то я и познакомился с Вульфом. Однако сейчас не время рассказывать эту историю. В ней еще остаются непроясненными один-два незначительных момента. Так или иначе, комната, несомненно, служила мне домом. Кровать была широкой и удобной. А еще у меня имелся письменный стол со множеством ящиков, и три кресла, просторные и уютные, и настоящий ковер во всю комнату, а не эти чертовы коврики, которые так и норовят скользнуть под вами, словно кусок масла на горячем блине. Картинки на стенах принадлежали мне. Удачная подборка: поместье Джорджа Вашингтона Маунт-Вернон, цветной набросок головы льва и лесной пейзаж с травой и цветами. Нашлось здесь место и для большой фотографии в рамке моих отца и матери, которые умерли, когда я был маленьким. Еще у меня имелась цветная репродукция с картины «Сентябрьское утро»[4 - Это написанное в 1912 году полотно французского художника Поля Эмиля Шабаса (Шаба, 1869–1937) приобрело скандальную известность в США благодаря протестам Нью-Йоркского общества по искоренению порока, объявившего его безнравственным. Репродукции продавались так бойко, что со временем стали расхожим примером китча. – Ред.], где на переднем плане изображена нагая девушка с подобранными волосами, но она висела в ванной. Самая обычная комната, всего лишь удобное пространство для проживания, если не считать большого электрического звонка на стене, скрывающегося под кроватью. Звонок этот был подключен таким образом, что, когда Вульф включал рубильник в своей комнате – а проделывал он это каждый вечер, – любой осмелившийся подойти ближе чем на пять футов к его двери или влезть в окно немедленно вызвал бы оглушительный трезвон. А еще звонок был подключен ко всем входам в оранжерею. Однажды Вульф сказал мне, как бы между прочим, что он отнюдь не трус, просто ему глубоко отвратительны чужие прикосновения и претит необходимость внезапно совершать быстрые движения. Поразмыслив над тем, какие массы он вынужден перемещать, я охотно этому поверил. По некоторым причинам такие вещи, как трусость, нисколько меня не волновали, когда дело касалось Вульфа, хотя обыкновенно я не садился за один стол с тем, в ком заподозрил труса.

Я прихватил из кабинета наверх газету и, после того как, облаченный в пижаму и тапочки, удобно устроился в кресле с сигаретами и пепельницей под рукой, трижды прочел заметку об университетском ректоре. Она была озаглавлена

следующим образом:

ПИТЕР ОЛИВЕР БАРСТОУ УМЕР ОТ СЕРДЕЧНОГО ПРИСТУПА

Ректор Холландского университета умер на поле для гольфа

Друзья не успели прийти к нему на помощь

Статья оказалась довольно длинной: целая колонка на первой полосе и полторы на второй, да еще пространный некролог с откликами множества знаменитостей. Сама же история была весьма короткой – еще один человек скончался, и ничего более. «Таймс» я читаю ежедневно, и этот номер вышел всего два дня назад, но я так и не вспомнил, обратил ли тогда внимание на сообщение. Барстоу, пятидесятивосьмилетний ректор Холландского университета, воскресным днем играл в гольф на площадке клуба «Грин медоу» под Плезентвиллем, в тридцати милях к северу от Нью-Йорка. Играли двое на двое, Барстоу и его сын Лоренс против пары их знакомых, Э. Д. Кимболла и Мануэля Кимболла. На подходе к четвертой лунке Барстоу внезапно упал лицом вниз, несколько секунд содрогался в конвульсиях, а потом затих. Мальчик, носивший его клюшки, подскочил к нему и схватил за руку, однако к тому времени, когда подбежали остальные, Барстоу был уже мертв. Среди подоспевших из здания клуба и с поля оказался врач, старый друг ректора, который вместе с сыном умершего доставил тело в личном автомобиле Барстоу в его дом в шести милях от клуба. По заключению этого врача, причиной смерти послужила болезнь сердца.

Остальное было приправой – рассказ о карьере и достижениях Барстоу, его фотография и прочее, а также упоминание о том, что, когда тело привезли домой, жена упала в обморок, сын же и дочь держались стойко. Перечитав заметку в третий раз, я зевнул и признал себя побежденным. Единственной связью, которую я мог провести между смертью Барстоу и Карло Маффеи, был тот факт, что Вульф спрашивал у Анны Фиоре про клюшку для гольфа. Поэтому я отшвырнул газету и поднялся, сказав самому себе вслух: «Мистер Гудвин, полагаю, это дело далеко от завершения». Затем глотнул воды и лег в кровать.

Было почти десять часов, когда я спустился вниз следующим утром, ибо, если выдавалась возможность, я спал по восемь часов. Все равно Вульф не появлялся внизу раньше одиннадцати. Вставал он неизменно в восемь, во сколько бы ни лег накануне, завтракал в своей комнате за парочкой газет и с девяти до одиннадцати пропадал в оранжерее. Иногда, одеваясь или принимая ванну, я слышал, как старый Хорстман, ухаживавший за орхидеями, покрикивает на него. Похоже, Вульф действовал на Хорстмана как судья на бейсболиста Джона Дж. Макгро[5 - Джон Дж[озеф] Макгро (1873–1934) – прославленный игрок и менеджер команды «Нью-Йорк джайнтс». В его время судья на поле был один, и всякий раз, когда рефери отвлекался на полет мяча, Макгро использовал эту возможность, чтобы препятствовать продвижению игроков команды противника. – Перев.]. Не то чтобы старик недолюбливал Вульфа, нет, конечно. Однако я не удивился бы, узнав, что садовник просто опасается, как бы Вульф, потеряв равновесие, не обрушился всей своей массой на орхидеи. Хорстман дорожил этими растениями не меньше, чем я своим правым глазом. Он даже спал в оранжерее, за загородкой в углу. И кто знает, не присматривал ли старик за орхидеями по ночам?

Позавтракал я порцией почек, вафлями и парой стаканов молока на кухне, ибо настрого запретил Фрицу сервировать обеденный стол ради моего завтрака, который всегда принимал в одиночестве. Потом я вышел на десять минут подышать свежим воздухом, прогулялся до причалов и обратно, а после устроился с учетными книгами за своим столом в углу, предварительно смахнув пыль там и сям, открыв сейф и наполнив чернилами ручку Вульфа. Его почту я положил ему на стол, по обыкновению нераспечатанной, мне же ничего не пришло. Я выписал пару-тройку чеков, подвел баланс в расходной книге – не бог весть какая работенка, последнее время большого движения средств не наблюдалось, – и принялся изучать записи о расходах на оранжерею, дабы убедиться, что Хорстман своевременно отчитался. Посреди этого занятия меня застал раздавшийся на кухне звонок. Минутой позже в дверях возник Фриц и объявил, что с мистером Вульфом желает увидеться некий О’Грэйди. Я изучил визитку посетителя и отметил, что прежде мне такой не попадалось. Я знал многих детективов из убойного отдела, но этого О’Грэйди прежде не встречал. Я велел Фрицу привести его.

О’Грэйди оказался молодым и весьма спортивным, судя по телосложению и походке. У него был недобрый взгляд, оценивающий и вызывающий. На меня он посмотрел так, будто заподозрил, что я прячу похищенного ребенка Линдбергов[6 - Речь идет об одном из самых громких преступлений XX века – похищении и убийстве в 1932 году полуторагодовалого сына Чарльза Линдберга

(1902–1974), знаменитого американского авиатора. Агата Кристи отчасти использовала эту историю в романе «Убийство в Восточном экспрессе». – Ред.].

– Мистер Ниро Вульф? – спросил он.

Я махнул рукой на кресло:

– Присаживайтесь, – и, взглянув на ручные часы, сообщил: – Мистер Вульф спустится через девятнадцать минут.

Он нахмурился:

– Я по важному делу. Не могли бы вы его позвать? Вам вручили мою визитку? Я из убойного отдела.

– Да, конечно. Я знаю. Все в порядке. Присаживайтесь. Если я его позову, он в меня чем-нибудь запустит.

Он уселся, а я вернулся к оранжерейным отчетам. За время ожидания я пару раз прикидывал, не попытаться ли, просто потехи ради, вытянуть из него что-нибудь, однако передумал при одном лишь взгляде на его физиономию: он был слишком молод и благонадежен, чтобы тратить усилия. Эти девятнадцать минут он отсидел как церковную службу, не проронив ни слова.

Когда Вульф вошел в кабинет, О’Грэйди поднялся из кресла. Вульф, неспешно продвигаясь от дверей к столу, пожелал нам доброго утра, попросил открыть еще одно окно и мельком взглянул на посетителя. Усевшись, он посмотрел на визитку, которую я положил на стол, а затем принялся за почту, быстро перебрав уголки конвертов, прямо как банковский кассир просматривает чеки при разборе вклада. Наконец он отодвинул почту и обратился к детективу:

– Мистер О’Грэйди?

Тот шагнул вперед:

– Мистер Ниро Вульф?

Вульф кивнул.

– Что ж, мистер Вульф, мне нужны бумаги и прочие вещи, которые вы вчера взяли в комнате Карло Маффеи.

– Не может быть. – Вульф поднял голову, чтобы рассмотреть его получше. – Вот оно как? Это интересно, мистер О’Грэйди. Присаживайтесь. Подвинь ему кресло, Арчи.

– Благодарю, не стоит. У меня много работы. Я просто заберу бумаги и… вещи.

– Какие вещи?

– Которые вы взяли.

– Перечислите.

Детектив выпятил подбородок:

– Бросьте эти ваши шуточки. Давайте их сюда. Я спешу.

Вульф ткнул в него пальцем:

– Полегче, мистер О’Грэйди. – Это было сказано тихо, но отчетливо, с интонацией, к которой он прибегал не так уж часто. В разговоре со мной такое случилось лишь единожды – в нашу первую встречу, и я никогда не забывал, как она звучала. У меня тогда возникло ощущение, что, возымей он такое желание, изничтожил бы меня, не шевельнув пальцем. Он продолжил в том же духе: – Полегче. Садитесь. Садитесь, говорю вам!

Я толкнул детективу под колени кресло, и он медленно опустился в него.

– Сейчас вы получите бесплатный, но весьма ценный урок, – объявил Вульф. – Вы молоды, и вам он пойдет на пользу. Со времени моего появления в этой комнате вы только и делали, что совершали ошибки. Вы не проявили вежливости, а это оскорбительно. Вы выступили с заявлением, не соответствующим действительности, и это было глупо. Вы спутали догадку с фактом, и это было

лицемерно. Хотите объясню, как вам следовало вести себя? Мною движут исключительно дружеские мотивы.

О’Грэйди заморгал:

– Я не ставлю под сомнение ваши мотивы…

– Чудесно. Конечно же, вы понятия не имели, сколь неразумно предполагать, будто я посещал комнату Карло Маффеи. Будучи незнакомы с моими привычками, вы не знали, что я не возьмусь за подобное предприятие даже ради золотисто-желтой каттлеи Доу. И уж тем более ради каких-то бумаг и, как вы выразились, вещей. Арчи Гудвина, – его палец описал дугу в мою сторону, – это не затрудняет, так что он съездил туда. А сделать вы должны были следующее. Во-первых, ответить на мое пожелание доброго утра. Во-вторых, изложить свою просьбу вежливо, обстоятельно и в согласии с фактами. В-третьих, хотя это уже не так важно, в качестве любезности вы могли бы уведомить меня, что обнаружено и опознано тело убитого Карло Маффеи и что его бумаги необходимы для изобличения убийцы. Не кажется ли вам, мистер О’Грэйди, что так было бы намного лучше?

Детектив изумленно уставился на него.

– Как, черт возьми… – начал он и осекся. Затем продолжил: – Значит, это уже попало в газеты. Не знал. Но имени убитого там быть не может, потому что я сам только два часа как выяснил его. Вы весьма догадливы, мистер Вульф.

– Благодарю. Вот только я не видел ничего такого в газетах. Просто заявление Марии Маффеи об исчезновении брата не подвигло полицию дальше великодушных попыток строить догадки. И лишь убийство, думается мне, могло сообщить вам такое рвение, что вы узнали о визите Арчи в комнату жертвы и об изъятии бумаг. Итак, не соблаговолите ли сообщить, где нашли тело?

О’Грэйди поднялся:

– Прочтете в вечернем выпуске. Таких, как вы, мистер Вульф, еще поискать надо. А теперь давайте бумаги.

– Конечно. – Вульф даже не пошевелился. – Но я предлагаю вам задуматься вот над чем. Все, что я прошу у вас, это три минуты вашего времени и информация, которая через несколько часов станет доступной всем. А между тем, кто знает, не случится ли мне сегодня, завтра или в следующем году натолкнуться на любопытный факт, касающийся этого или другого дела? Факт, который, окажись он в вашем распоряжении, помог бы вам добиться успеха в расследовании, славы, повышения по службе и прибавки жалованья. Повторяю, вы допускаете ошибку, пренебрегая требованиями профессиональной этики. Тело, случаем, обнаружили не в округе Уэстчестер?

– Вот же черт! – изрек О’Грэйди. – Если бы я не видел вас своими глазами и не понимал, что вам для передвижений нужен товарный вагон, поневоле задумался бы, а не ваших ли это рук дело. Ладно. Да, в округе Уэстчестер. В кустарнике, футах в ста от грунтовки, в трех милях от Скарсдейла. Вчера в восемь вечера его нашли двое мальчишек, искавших птичьи гнезда.

– Наверно, застрелен?

– Зарезан. Врач говорит, что нож оставался в ране какое-то время. Час или чуть больше. Однако на момент обнаружения тела ножа в ране уже не было. Его так и не нашли. Карманы вычищены. Костюм, судя по ярлычку на нем, куплен в универмаге на Гранд-стрит. Ярлык и метку прачечной мне передали этим утром в семь. К девяти я уже знал имя убитого, после чего обыскал его комнату и поговорил с домовладелицей и служанкой.

– Превосходно, – отозвался Вульф. – Действительно отменная работа.

Детектив нахмурился:

– Эта девица… Либо ей что-то известно, либо в голове у нее совсем пусто – не вспомнит и что ела на завтрак. Она была у вас здесь. Что вы подумали, когда она не смогла припомнить тот телефонный разговор? А ведь слышала каждое слово, как заявила домовладелица.

Я бросил взгляд на Вульфа. Он и бровью не повел, просто заметил:

– Мисс Анна Фиоре несколько обделена природой, мистер О’Грэйди. Значит, в ее памяти обнаружились изъяны?

– Изъяны? Да она забыла имя Маффеи!

– Вот как. Жаль. – Вульф уперся в край стола и оттолкнулся от него вместе с креслом. Я понял, что он намеревается встать. – А теперь об этих бумагах. Остальные вещи – это всего лишь пустая жестянка из-под табака да четыре снимка. Вынужден просить вас об одолжении. Вы позволите мистеру Гудвину проводить вас из комнаты? Так уж я устроен: не люблю открывать свой сейф в присутствии других людей. Ничего личного, естественно. Будь вы моим банкиром, я вел бы себя так же, а может, и еще настойчивее.

Я работал на Вульфа так долго, что обычно поспевал за ходом его мысли, но тут едва не оплошал. Я уже раскрыл рот, чтобы сказать, что бумаги находятся в ящике его стола, куда я и убрал их у него на глазах вчера вечером, и только его взгляд остановил меня. Детектив явно колебался, и Вульф принялся его убеждать:

– Ну же, мистер О’Грэйди. Ступайте. Не стоит подозревать, будто я пытаюсь что-то утаить. Даже будь оно так, вы бы не смогли мне помешать. Подозрения подобного рода между профессионалами несерьезны.

Закрыв за нами дверь, я провел детектива в залу. Я предполагал, что Вульф для проформы откроет дверцу сейфа, чтобы произвести правдоподобный шум, однако, допуская, что он не станет себя этим утруждать, отвлекал О’Грэйди разговорами. Весьма скоро нас позвали обратно. Вульф стоял у ближнего края стола с жестянкой и конвертом, в который я сложил бумаги и снимки. Он протянул их детективу:

– Удачи, мистер О’Грэйди. Можете не сомневаться, когда бы мы ни обнаружили что-либо важное для вас, немедленно свяжемся с вами.

– Весьма признателен. Надеюсь, вы серьезно.

– Более чем. Как и сказал.

Детектив ушел. Услышав хлопок входной двери, я прошел в залу и проследил в окно за тем, как он удаляется. Потом вернулся в кабинет и подошел к столу Вульфа, за который он вновь уселся, и ухмыльнулся ему в лицо:

– Ах вы чертов плут!

Складки на его щеках немного отодвинулись от уголков рта – так, по его мнению, выглядела улыбка.

– Ну и что же вы припрятали?

Он извлек из жилетного кармана полоску бумаги, дюйма два длиной и полдюйма шириной, и протянул ее мне. Это была одна из вырезок, что я прихватил из верхнего ящика комода Маффеи. И кто бы мог подумать, что Вульф вообще подозревал о ее существовании? Прошлым вечером он лишь мельком взглянул на весь принесенный мною хлам. И все же он взял на себя труд удалить О’Грэйди из комнаты, чтобы припрятать ее.

СЛЕСАРЬ, который разбирается в проектировании и механике и намерен вернуться в Европу на постоянное жительство, может получить прибыльный заказ. Таймс L467, Нижний Манхэттен.

Я прочел объявление дважды, но увидел в нем смысла не больше, чем раньше, когда обнаружил его в комнате Маффеи.

– Что ж, – произнес я, – если вам еще нужны доказательства, что он намеревался уплыть, то я могу сгонять на Салливан-стрит и отодрать багажные наклейки от сундука Анны. И даже если это объявление что-то да значит, когда вы увидели его? Только не говорите, что можете изучить улику, не глядя на нее. Я готов поклясться, что вы не… – Тут я осекся. Ну конечно же, он видел объявление. Я ухмыльнулся. – Вы просмотрели бумаги ночью, пока я отвозил домой Анну.

Какое-то время он устраивался в кресле за столом и только затем насмешливо проворчал:

– Браво, Арчи.

– Ладно. – Я уселся напротив него. – Могу я задать вопрос? Мне хочется узнать три вещи. Или я должен пойти в классную комнату и выучить уроки? – Естественно, все это меня несколько разозлило, как и всегда, когда я узнавал, что он связал изящный узелок прямо у меня под носом, а я даже не видел, к чему он ведет.

– Никаких уроков, – ответил он. – Ты идешь за машиной и на разумной скорости едешь в Уайт-Плейнс. Если вопросы лаконичны…

– Они достаточно лаконичны, но, коли у меня появилась работа, могут и подождать. Раз это Уайт-Плейнс, то, полагаю, мне предстоит обозреть дырку в Карло Маффеи и прочие детали, которые кажутся мне незначительными.

– Нет. Черт, Арчи, перестань строить догадки в моем присутствии! Если уж тебе суждено встать на один уровень с мистером О’Грэйди, давай хотя бы отсрочим это по возможности.

– О’Грэйди проделал этим утром славную работенку: два часа от ярлыка на пиджаке и метки прачечной до того телефонного звонка.

Вульф покачал головой:

– Глуповат. Так что с вопросами?

– Могут подождать. Что же тогда в Уайт-Плейнсе, если не Маффеи?

Вульф одарил меня подобием улыбки, довольно долгой. Наконец он ответил:

– Возможность подзаработать. Имя Флетчер М. Андерсон говорит тебе что-нибудь, если не заглядывать в картотеку?

– Уж надеюсь, – фыркнул я. – Благодарностей за свое «браво» не ждите. Тысяча девятьсот двадцать восьмой год. Помощник районного прокурора в деле Голдсмита. На следующий год перебрался в провинцию. Теперь прокурор округа Уэстчестер. Свои долги признаёт только за закрытыми дверями и на ухо. Женат на деньгах.

Вульф кивнул:

– Все верно. Получай свое «браво», Арчи. Как-нибудь обойдусь без благодарностей. В Уайт-Плейнсе встретишься с мистером Андерсоном и передашь ему соблазнительное и, вероятно, выгодное предложение. По крайней мере, так предполагается. Я ожидаю информации от посетителя, который должен явиться с минуты на минуту. – Он потянулся через свои округлости к большим платиновым часам в кармане жилета и взглянул на них. – Пунктуальность торговца спортивным инвентарем не выдерживает никакой критики. Я звонил в девять. Заказ должны были доставить в одиннадцать. А сейчас уже одиннадцать сорок. Хотелось бы избежать проволочек. Лучше бы я послал тебя… Ага!

Раздался звонок. Фриц прошел по прихожей мимо кабинета. Послышался звук отворяемой входной двери, а затем вопрос визитера и ответ. Тяжелая поступь заглушила шаги Фрица, и вот в дверях показался молодой человек габаритов игрока в американский футбол. На плече он нес огромный сверток в три фута длиной и такой же большой в окружности, как сам Вульф. Переведя дыхание, парень объявил:

– От Корлисса Холмса.

По кивку Вульфа я поднялся, чтобы помочь посыльному. Вдвоем с этим малым мы положили сверток на пол. Молодой человек опустился на колени и принялся развязывать шнур. Он так долго возился, что я потерял терпение и полез в карман за ножом. Из кресла Вульфа донесся шепот:

– Нет, Арчи, не все узлы заслуживают такого обращения.

Нож пришлось убрать. Наконец посыльный расправился с узлом и вытянул шнур. Я помог ему развернуть бумагу, мешковину и в немом изумлении воззрился на доставленное. Потом посмотрел на Вульфа и снова на кучу на полу. Это были клюшки для гольфа. Должно быть, целая сотня. Достаточно, как мне подумалось, чтобы прикончить миллион змей, ибо другого применения им я придумать не мог.

– Упражнения пойдут вам на пользу, – бросил я Вульфу.

Не потрудившись подняться из кресла, он велел нам положить клюшки на стол. Мы с посыльным сгребли по охапке. Я принялся раскладывать клюшки в длинный ряд. Тут были длинные и короткие, тяжелые и легкие, металлические, деревянные, стальные, хромированные, какие только можно вообразить. Вульф осматривал их. Каждую, что я клал перед ним. Оглядев примерно десяток, он объявил:

– Не эти, с металлическими концами. Уберите их. Только вот эти, с деревянными. – И он обратился к посыльному: – Это ведь, наверное, называют не концами?

На лице парня отразилось высокомерное изумление:

– Это головка.

– Примите мои извинения… Как вас зовут?

– Меня? Таунсенд.

– Примите мои извинения, мистер Таунсенд. Я однажды видел клюшки для гольфа в витрине, когда у моей машины спустило колесо, но концы у них не были как-то помечены. А это, кстати, всё варианты одной разновидности?

– Что? Они все разные.

– И впрямь. Ну и ну. Лицевая поверхность из дерева, со вставками, из кости, составная, из слоновой кости… Поскольку это головка, вот это, полагаю, называется лицевой поверхностью?

– Ударной.

– Конечно. А каково назначение вставки? Ведь у всего в этой жизни должно быть свое назначение, свой практический смысл, исключая разведение орхидей.

– Назначение?

– Именно. Назначение.

– Ну… – Молодой человек замялся. – Конечно же, она обеспечивает точность удара. Когда бьют по мячу, удар наносят вставкой.

– Понимаю. Что ж, достаточно. Этого мне вполне хватит. И рукоятки… Одни деревянные, такие изящные и удобные, другие стальные… Полагаю, стальные рукоятки полые?

– Полый стальной стержень, сэр. Это дело вкуса. Вот эта клюшка называется драйвер[7 - Драйвер – клюшка для самого дальнего удара с самой длинной рукоятью. – Перев.]. А вот эта – брасси. Видите латунь внизу? Брасси.

– Безукоризненное логическое заключение, – пробурчал Вульф. – Что ж, полагаю, на этом и остановимся. Урок окончен. Знаете, мистер Таунсенд, все-таки хорошо, что обстоятельства рождения и воспитания всем нам позволяют проявить снобизм. Мое невежество в сей специфичной терминологии дает возможность покичиться вам, а ваше беспомощность в части элементарных мыслительных процессов – мне. Что же до цели вашего визита, то продать мне вы ничего не сможете. Эти штуки навсегда останутся для меня совершенно бесполезными. Можете снова упаковать ваш товар и забрать его. Или давайте допустим, что я все-таки купил три клюшки и прибыль с каждой составила один доллар. Три доллара? Эта сумма вас удовлетворит?

Молодой человек все-таки пытался блюсти достоинство – если не свое собственное, то, во всяком случае, Корлисса Холмса:

– Вы не обязаны ничего покупать, сэр.

– Не обязан, однако я не закончил. Вынужден попросить вас об одолжении. Не возьмете ли вы одну из этих клюшек, вот эту, и не встанете ли вон там, за креслом? Взмахните ею, как это полагается делать.

– Взмахнуть?

– Да. Размахнитесь для удара, стукните, пробейте. Как там у вас это называется? Представьте себе, что бьете по мячу.

Помимо снобизма парню теперь приходилось скрывать и презрение. Он взял у Вульфа драйвер, отошел от стола, отпихнул в сторону кресло, огляделся по сторонам, затем замахнулся клюшкой, отведя ее за плечо, и со страшным свистом опустил вниз.

Вульф вздрогнул.

– Неукротимая ярость, – пробормотал он. – А еще раз? Помедленнее.

Молодой человек подчинился.

– Если возможно, мистер Таунсенд, еще медленнее.

На этот раз посыльный изобразил удар по мячу как в замедленной съемке, карикатурно и смехотворно, однако Вульф наблюдал за ним со всей серьезностью и вниманием. Затем сказал:

– Превосходно. Тысяча благодарностей, мистер Таунсенд. Арчи, поскольку у нас нет счета у Корлисса Холмса, выдай, пожалуйста, мистеру Таунсенду три доллара. И поспеши, с твоего позволения. Поездка, о которой я говорил, неизбежна и даже неотложна.

После минувших недель затишья сердце мое так и подскочило, стоило мне услышать требование Вульфа поторопиться. Мы с молодым человеком в мгновение ока упаковали клюшки, я проводил его до двери и вернулся в кабинет. Вульф сидел, вытянув губы в трубочку, как будто собрался свистеть. Однако никакого свиста на расстоянии шести футов слышно не было. Лишь движения грудной клетки, которая вздымалась и опускалась, указывали, что он втягивает и выпускает воздух. Иногда, находясь достаточно близко от него, я пытался расслышать, действительно ли он, по его мнению, насвистывает какую-то мелодию, но безуспешно. Он оставил свое занятие, когда я подошел, и сказал:

– Это займет буквально минуту, Арчи. Садись. Блокнот не понадобится.

Глава четвертая

За рулем я ничего, кроме дороги, не вижу, ибо обладаю таким складом ума, что, принимаясь за работу, посвящаю себя ей полностью, пока не подойдет время для другой. В тот день я тоже взял высокий темп. Из-за плотного потока я долго добирался до Вудлона, зато оттуда до Уайт-Плейнса поспел всего за двадцать одну минуту. Однако, несмотря на склад ума и спешку, я все же мимолетно наслаждался красотами парковой магистрали[8 - Эта магистраль, проложенная в обход населенных пунктов, идет с плавными поворотами по парковой полосе. – Ред.]. Кустарник покрылся цветами, деревья, словно в медленном танце, непринужденно шевелили на ветру молодой листвой, трава была уже густой и зеленой. И я подумал, что и за тысячу долларов нельзя соткать ковер, по которому было бы приятнее ходить, чем по этой травке.

Увы, как я ни спешил, это не помогло. В здании суда меня постигла неудача. Андерсон отбыл до понедельника, на целых четыре дня. В Адирондакские горы, сказали мне, но адреса не дали. Хотя прокатиться на родстере в Лейк-Плэсид было бы, пожалуй, не так уж и плохо. Первый помощник прокурора Дервин, чью фамилию я прежде никогда не слышал, еще не вернулся с обеда, и ожидали его через полчаса. Ни одна живая душа как будто не горела желанием мне помочь.

Я прошел по улице и, отыскав телефон, позвонил Вульфу в Нью-Йорк. Он велел дождаться Дервина и опробовать номер на нем. До его прихода я решил подкрепиться парой бутербродов и стаканом молока. Когда я вернулся, Дервин был у себя в кабинете, но мне пришлось прождать еще двадцать минут. Полагаю, все это время он выковыривал из зубов остатки обеда. Вокруг все как будто вымерло.

Когда я задумываюсь о разных типах людей, с которыми мне доводилось встречаться, то все юристы, как бы глупо это ни прозвучало, в моих глазах выглядят одинаково. Вид они имеют опасливый и в то же время самодовольный, словно готовятся перейти оживленную улицу, где каждую секунду опасаются наезда, но знают, какую грозную бумагу нужно вручить задавившему их насмерть водителю, более того, эта бумага уже лежит у них в кармане. Дервин именно так и выглядел, хотя и казался весьма представительным, элегантным и упитанным, лет около сорока (скорее моложе, чем старше), с темными блестящими волосами, гладко зачесанными назад, и счастливой, лучащейся довольством физиономией.

Я водрузил свою шляпу из соломки на угол его стола, уселся в кресло и только потом заявил:

– Жаль, что мне не удалось застать мистера Андерсона. Не знаю, заинтересует ли вас мое предложение. Вот он, я совершенно уверен, заинтересовался бы.

Дервин откинулся в кресле, одарив меня улыбкой политика:

– Если это связано с моими служебными обязанностями, несомненно заинтересует, мистер Гудвин.

– Связано, не сомневайтесь. Вот только я в несколько невыгодном положении, поскольку вы не знаете моего нанимателя, Ниро Вульфа. Мистеру Андерсону он известен.

– Ниро Вульф? – Дервин наморщил лоб. – Я слышал о нем. Вы говорите о частном детективе, конечно же. Видите ли, это пока еще Уайт-Плейнс. Провинция начинается немного севернее.

– Да, сэр. Хотя я не стал бы называть Ниро Вульфа частным детективом. Это определение к нему не подходит… Оно подразумевает слишком уж деятельный образ жизни. Однако я работаю именно на этого человека.

– И у вас от него предложение?

– Да, сэр. Как я сказал, изначально оно предназначалось мистеру Андерсону. Однако я созвонился с Вульфом полчаса назад, и он велел передать его вам. Оно может и не сработать тем же самым образом. Насколько мне известно, мистер Андерсон – человек богатый. Вас же я с этой стороны не знаю. Может, вы вроде меня. Может, как я, живете от получки до получки.

Дервин рассмеялся, однако смех был наигранным, ибо уже через секунду лицо его приняло важное и деловое выражение.

– Может, и да. Однако, хоть сейчас я и не особенно загружен работой, все-таки хотелось бы услышать предложение.

– Хорошо, сэр. Оно заключается в следующем. В прошлое воскресенье, четыре дня назад, Питер Оливер Барстоу, ректор Холландского университета, скоропостижно скончался на поле гольф-клуба «Грин медоу» под Плезентвиллем. Вам это известно?

– Конечно. Это тяжелая утрата для общества, да и для всей страны. Конечно.

Я кивнул.

– Похороны прошли во вторник. Он был погребен на Агауокском кладбище. Так вот, мистер Ниро Вульф предлагает вам пари. Он собирался предложить его мистеру Андерсону, но сказал, что готов биться об заклад и с вами. Если вы эксгумируете тело и произведете вскрытие, то обнаружите следы яда. Вульф готов спорить на десять тысяч долларов и вручит заверенный чек на хранение любому ответственному лицу, которое вы укажете.

Я лишь ухмылялся, пока Дервин таращился на меня. Таращился он долго, а потом произнес:

– Мистер Ниро Вульф ненормальный.

– О нет, – возразил я. – Вот на это я бы вам ставить не советовал. Но я еще не закончил со ставкой Ниро Вульфа. Он также ставит на то, что в брюшной полости у Барстоу, возможно под желудком, на глубине одного-трех дюймов от кожного покрова будет обнаружена короткая тонкая и острая игла, вероятно стальная, но, быть может, и сработанная из твердой породы дерева. Она вошла в тело снизу вверх, под углом примерно сорок пять градусов, если ее не отклонила кость.

Дервин продолжал глазеть на меня. Когда я умолк, он вновь попытался изобразить смех, но на этот раз у него получилось не очень.

– Отродясь не слышал большей чепухи, – заявил он. – Полагаю, за этим что-то кроется, если только вы тоже не сумасшедший.

– Именно что кроется. – Я достал из кармана чек, который вручил мне Вульф. – В мире найдется совсем немного людей, готовых рискнуть десятью тысячами

долларов ради чепухи. И можете мне поверить, Ниро Вульф не из них. Питер Оливер Барстоу был убит. В него всадили иглу. Я говорю это. Ниро Вульф говорит это. Десять штук баксов говорят это. Вполне веское доказательство, мистер Дервин.

Юрист уже не выглядел таким счастливым и самодовольным, как в момент моего прихода. Я ждал. Он выпалил с досадой:

– Это нелепо. Совершенно нелепо.

– Вульф на это не спорит, – ухмыльнулся я. – Он лишь спорит, что так оно и есть.

– Но это невозможно. Просто нелепо и… И чудовищно. Какой бы номер вы ни пытались отколоть, не на того напали. Я знаком с семьей Барстоу и потому знаю все факты. Не буду пересказывать их вам. Что за идиотская чушь! Да известно ли вам, кто подписал свидетельство о смерти? Я не думаю…

– Конечно известно, – прервал его я. – Доктор Натаниэль Брэдфорд констатировал смерть от тромбоза коронарных артерий. Но что бы ни твердили про тромбоз коронарных артерий все доктора на свете, столь же сведущие, как и он, деньги Ниро Вульфа по-прежнему лежат перед вами, готовые говорить за себя.

Я видел, что лицо Дервина приняло иное выражение. Он уже оправился от шока и приготовился умничать.

– Слушайте, в чем подвох? – резко спросил он.

– Никакого подвоха. Никакого. Только намерение выиграть десять штук.

– Дайте мне взглянуть на чек.

Я протянул ему чек. Он тщательно осмотрел его, придвинул к себе телефон, снял трубку и через мгновение заговорил:

– Мисс Риттер, соедините меня с отделением Метрополитен траст компани на Тридцать Четвертой улице.

Он сидел и смотрел на чек, я же в терпеливом ожидании скрестил руки. Раздался звонок, он снова снял трубку и начал задавать вопросы, кучу вопросов. Он, определенно, убеждался, что ошибки быть не может. Когда Дервин повесил трубку, я весело сказал:

– По крайней мере, мы готовы начать. Теперь, когда вы убедились, что доллары настоящие.

Он пропустил мои слова мимо ушей, продолжая хмуриться на чек. Наконец спросил так же резко:

– Вы действительно уполномочены заключить пари в том виде, как его изложили?

– Да, сэр. Этот чек выписан на меня и заверен. Я могу подписать его без малейшего труда. Если вам угодно позвонить Вульфу, его номер Брайант девять, два-восемь-два-восемь. Во избежание неверного толкования я бы предложил, чтобы ваша стенографистка напечатала подробное соглашение и мы оба его подписали. Также должен подчеркнуть, что Вульф не намерен обсуждать мотивы своих действий, давать объяснения или подсказки. Это пари, только и всего.

– Пари, черт! Не надейтесь ни на какое пари. Кто, вы предполагаете, будет спорить с вами – округ Уэстчестер?

Я ухмыльнулся:

– Мы надеялись на мистера Андерсона, но, раз его нет, удовольствуемся кем-нибудь другим. Кем угодно. Лишь бы у него нашлось десять тысяч долларов. Вульфа не волнует, будет это начальник полиции, редактор газеты или какой-нибудь видный демократ с развитым чувством гражданской ответственности.

– Вот как!

– Да, сэр. Мне предписано сделать все от меня зависящее, чтобы обеспечить денежное покрытие чека до наступления темноты.

Дервин вскочил, отпихнув от себя кресло:

– Ха! Пари? Блеф!

– Вы так думаете, сэр? А вы проверьте. Покройте его.

Видимо, Дервин уже на что-то решился, ибо, пока я говорил, он двинулся через кабинет. В дверях он обернулся:

– Не подождете здесь десять минут? Полагаю, подождете, раз ваш чек у меня в кармане.

Чек не был подписан. Дервин удалился, прежде чем я успел кивнуть. Я устроился в кресле и принялся ждать. Интересно, как все обернется, гадал я. Не упустил ли я чего? Может, стоило озвучить свою последнюю угрозу, только если бы он проявлял больше упрямства? Но как иначе я мог вынудить его действовать быстрее? Да и, в конце концов, обладает ли это ничтожество достаточными полномочиями и смелостью, чтобы провернуть все в отсутствие своего шефа? Вульфу требовались быстрые действия. Я, конечно же, понимал, что заключить пари он надеется не больше, чем я получить от него на день рождения в подарок десять штук. Он добивался вскрытия, при котором обнаружится игла. Теперь я сообразил, как он догадался о ней, но как, если уж на то пошло, он связал ее с Карло Маффеи? Тут я остановился и вернулся мыслями к тому, чем был занят сейчас. Если Дервин откажется и не поведется на мои посулы, куда тогда идти? Между четырьмя и шестью мне придется полагаться только на себя самого. Я не осмелюсь побеспокоить Вульфа телефонным звонком, пока он возится наверху со своими чертовыми цветами. На часах было два пятьдесят. Дервин ушел на десять минут. Я начинал чувствовать, что остался в дураках. Что, если он продержит меня здесь целый день, связав по рукам и ногам? С моим-то чеком в кармане? Если я позволю обойтись так со мной ничтожному юристу-вымогателю, то не осмелюсь взглянуть Вульфу в его огромную жирную физиономию. Я не должен был упускать Дервина из виду. Уж точно не с чеком. Я вскочил с кресла и ринулся через кабинет, однако у двери успокоился и несколько расслабился. Осторожно повернув ручку, я открыл дверь и высунул голову. В приемную вел небольшой коридорчик, и я услышал, как девушка говорит по телефону:

– Нет, только вызываемое лицо. Только мистера Андерсона, и никого другого.

Дождавшись, когда она повесит трубку, я направился к ее конторке.

– Не затруднит ли вас сообщить мне, куда вышел мистер Дервин?

Она как будто заинтересовалась мной, взгляд ее был доброжелателен. Но ответила она только на сам вопрос:

– Он звонит из кабинета мистера Андерсона.

– Вы не стали бы врать мне просто для практики?

– Мне она не требуется, благодарю.

– Хорошо. Если не возражаете, я займу один из этих стульев. Одному там довольно жутковато.

Я уселся футах в трех от входной двери, но стоило мне лишь устроиться, как дверь распахнулась и с деловым видом вошел здоровяк в синем костюме, черных туфлях и жесткой соломенной шляпе. Не поворачиваясь в мою сторону, он направился к девушке, и со своего места я без труда разглядел у него на бедре пушку. Девушка поприветствовала его:

– Здрасте, мистер Кук. Мистер Дервин в кабинете мистера Андерсона.

Когда гость исчез за другой дверью, я поинтересовался у секретарши:

– Неужто Бен Кук?

Не поднимая глаз, она кивнула. Я ухмыльнулся, снова устроился и принялся ждать.

Прошло пятнадцать минут, прежде чем дверь в кабинет Андерсона вновь отворилась. На пороге возник Дервин и позвал меня:

– Проходите, Гудвин.

Я вошел. Оказавшись внутри и увидев, как они срежиссировали мое выступление, я не смог удержаться от смеха. Бен Кук занимал кресло рядом с другим, за столом, несомненно предназначенным для Дервина, а третье было выставлено для меня, прямо напротив них и против света.

– Смешно ему, видите ли, – пробурчал здоровяк.

Дервин занял свое кресло и только после этого соизволил сообщить мне:

– Это начальник полиции.

Я притворился, будто сощурился от света.

– Могли бы и не говорить. Неужто вы думаете, что слава Бена Кука не простирается дальше Бронкского парка?

Дервин сурово воззрился на меня. Боже, как же смешно это выглядело. Он даже зашел столь далеко, что погрозил мне пальцем:

– Гудвин, я потратил целых полчаса и теперь готов сообщить вам, что? последует дальше. Если вам что-либо известно, вы всё выложите нам, пока мы будем ждать Вульфа. По какой причине вы…

Мне было крайне досадно прерывать представление, но что еще я мог поделать?

– Ждать Вульфа? Здесь?

– Конечно здесь. Если он не захочет неприятностей. Думаю, я все разъясню ему по телефону.

Я не стал смеяться, просто сказал:

– Послушайте, мистер Дервин, сегодня один из ваших черных дней. Вы опять сделали никудышную ставку. Ниро Вульф способен приехать сюда не больше, чем я сообщить вам имя убийцы Барстоу.

– Да? – подключился Бен Кук. – Ты много чего нам расскажешь. Много чего.

– Возможно. Но я не скажу вам, кто убил Барстоу, потому что не знаю. Если хотите поспрашивать, например о дорогах…

– Уймитесь! – Дервин еще напустил на себя суровости. – Гудвин, вы выдвинули вопиющее обвинение, и поразительнейшим способом. Я не буду притворяться, что у меня к вам множество вопросов, потому что мне нечем их обосновать. Зачем ваш наниматель направил вас сюда сегодня?

Я вздохнул и принял важный вид:

– Я же сказал вам, мистер Дервин. Заключить пари.

– Да бросьте вы! Пошевелите хоть немного мозгами, если они у вас есть. Вы не отделаетесь этим. И, черт побери, вы это знаете! Давайте же. Мы вас слушаем.

Бен Кук изрек:

– И не пытайся умничать. Ты будешь удивлен тем, как мы порой обращаемся с умниками.

Будь у меня желание, я смог бы, полагаю, затянуть спектакль на всю ночь, но время шло, да и они начинали меня доставать. И потому я разразился речью:

– Одну минуту, джентльмены. Вы, естественно, раздражены. И это очень плохо. Но тут уж я ничем не могу помочь. Допустим, я пошлю вас к черту, встану и уйду. Ну и что вы сделаете? Да, господин начальник, я знаю, что до участка недалеко, но я туда не отправлюсь. Честно говоря, вы ведете себя как два тупых копа. Я удивлен вами, мистер Дервин. Ниро Вульф пытается приобщить вас к самому началу крупного расследования, а вы сначала разбалтываете о нем Бену Куку, а затем принуждаете меня вывести из игры вас обоих и просто бросить на съедение волкам. Вы пальцем не тронете меня, не глупите. Ниро Вульф с удовольствием притянет вас к суду за незаконный арест. В полицейский участок я захожу исключительно затем, чтобы навестить друзей, и не пойду туда, если вы не предъявите мне ордер. И подумайте только, какой смех поднимется, когда о моей истории проведают репортеры, а потом появятся доказательства, что

Барстоу был убит. По правде говоря, все это начинает меня немного раздражать. Я уже склоняюсь к мысли потребовать назад свой чек и распрощаться с вами. Уясните: я ничего вам не скажу. Понятно? А теперь либо отдавайте чек, либо говорите по делу.

Дервин сидел скрестив руки и смотрел на меня, даже не пытаясь открыть рот. Бен Кук произнес:

– Приехал, значит, на село поучить деревенщину уму-разуму. Сынок, я достаточно большой, чтобы оттащить тебя в участок, было бы желание. Больше ничего не надо.

– Вы можете позволить себе разыгрывать беззаботность, – ответил я ему. – Дервин вручил вам хлопушку, которую побоялся взорвать сам, и вы это знаете. – Я повернулся к Дервину: – Кому вы звонили в Нью-Йорк? В главное управление?

– Нет. Окружному прокурору.

– Вы застали его?

Дервин положил руки на подлокотники, откинулся в кресле и беспомощно посмотрел на меня:

– Я говорил с Морли.

Я кивнул:

– С Диком Морли. И что он сказал вам?

– Сказал, что сам охотно поспорил бы со мной, если Ниро Вульф предлагает пари на десять тысяч. Только дал бы мне десять к одному.

Я был слишком раздражен, чтобы ухмыльнуться.

– И вы зовете меня сюда точить лясы, вместо того чтобы хвататься за лопаты и раскапывать Агауокское кладбище? Повторяю, я ничего вам не скажу. И Вульф вам ничего не скажет. Но дело верное. Следующее, что вы сделаете, вернете

мне чек, и что потом?

Дервин вздохнул и прочистил глотку, однако ему пришлось откашляться еще раз.

– Гудвин, – начал он, – я буду с вами честен. Мне это не по зубам. Между нами, Бен, дело обстоит именно так. Мне это совершенно не по зубам. Боже мой, да вы знаете, что? это означало бы? Эксгумация и вскрытие тела Питера Оливера Барстоу?

Я снова его прервал:

– Чушь. На то можно найти десяток оправданий.

– Что ж, может быть. Я не очень силен в оправданиях. Как бы то ни было, я знаком с семьей. Я не могу пойти на это. Я звонил Андерсону в Лейк-Плэсид и не застал его. Он перезвонит до шести часов, до семи уж точно. Он может выехать ночным поездом и завтра к утру будет уже здесь. Тогда он и решит.

– Значит, сегодня не получится, – подытожил я.

– Да. Исключено. Я не пойду на это.

– Ладно. – Я поднялся. – Пройдусь до угла и позвоню Вульфу. Узнаю, станет ли он ждать так долго. Если он согласится, двину на юг, подальше от деревенщины. Так что отдавайте чек.

Дервин достал его из кармана и протянул мне.

Я с усмешкой обратился к Бену Куку:

– Вас подбросить до участка, господин начальник?

– Подвези, сынок, подвези.

Глава пятая

Тем вечером Вульф был сама доброта. Я вернулся домой как раз вовремя, чтобы поужинать с ним. Он слова не дал мне сказать о Уайт-Плейнсе, пока мы не вышли из-за стола. По правде говоря, мы вообще ни о чем не разговаривали, потому что он включил радио. Вульф неизменно повторял, что нынешняя эпоха идеальна для домоседа. Некогда он мог удовлетворить свое любопытство по части минувших времен, читая Гиббона, Ранке, Тацита или Грина[9 - [Эдвард] Гиббон (1737–1794) – английский историк, наиболее известный как автор труда «История упадка и разрушения Римской империи». [Леопольд фон] Ранке (1795–1886) – официальный историограф Пруссии, разработчик методологии современной историографии. [Публий Корнелий] Тацит (середина 50-х – около 120 года) – древнеримский историк, один из самых известных писателей античности. [Джордж Вашингтон] Грин (1811–1883) – американский историк, автор исследований об Американской революции и Войне за независимость. – Перев.]. Но если он хотел встретиться с современниками, ему приходилось выходить из дому. Сегодня же домосед, которому прискучили Гальба или Вителлий[10 - [Сервий Сульпиций] Гальба (3—69 г. до н. э.) и [Авл] Вителлий (15–69 г. н. э.) – древнеримские императоры. – Перев.], может включить радио и вернуться в кресло. Одну программу, под названием «Шутники», Вульф пропускал редко. Даже не знаю почему. Он усаживался рядом с приемником, сцепив пальцы на животе, прикрыв глаза и скривив рот, словно держал что-то за щекой и готовился в любую минуту выплюнуть. Я в это время обычно отправлялся на прогулку, но, когда ужин начинался немного раньше и передача выпадала как раз на него, мне приходилось слушать ее. Да, у меня есть любимые передачи, но «Шутники» представляются мне просто верхом пошлости.

После ужина мой отчет в кабинете много времени не занял. Я ненавидел извиняться перед Вульфом, ибо он всегда снисходительно принимал мои извинения. Он считал само собой разумеющимся, что я сделал все мыслимое и немыслимое и что сетовать можно только на препоны, создаваемые окружением, как он это называл. Вот и на сей раз он обошелся без замечаний и даже особо не заинтересовался моим отчетом, равно как и оправданиями. Я пытался расшевелить его, пробовал выпытать, действительно ли им владела дикая идея, будто я могу вот так вот запросто подбить окружного прокурора на пари, но он оставался любезным и спокойным. Я спросил, считает ли он возможным, что, выбрав иную линию поведения, я убедил бы Дервина произвести эксгумацию этим днем. Он ответил, что, скорее всего, нет.

– Рожденный ползать летать не может. – Он сидел за своим столом, изучая через лупу клювик цимбидиума Александра, стебель которого сломал Хорстман. – Ему бы толику воображения, самую малую. Но, судя по твоему рассказу, оно у него напрочь отсутствует. Прошу, не кори себя. Не исключено, что это дело в конечном счете обернулось бы одними убытками. Вот с Флетчером Андерсоном все могло выгореть. Он человек богатый, амбициозный и отнюдь не дурак. Он бы, пожалуй, смекнул, что в его интересах без особого шума произвести эксгумацию. Если вскрытие покажет, что я ошибался, он выиграет десять тысяч долларов. Если нет – ему придется платить мне, но взамен он получит сенсационное дело. И еще он мог бы прийти к выводу, что, положив в карман его денежки, я посчитаю себя обязанным в дальнейшем делиться с ним информацией. Переговоры, которые ты вел в Уайт-Плейнсе, по сути были примитивным деловым предприятием – предложением взаимовыгодного обмена. Если бы только Андерсон оказался на месте, он, вероятно, именно так бы и посмотрел на дело. Но это еще вполне осуществимо и пока стоит определенных усилий. Однако, мне кажется, собирается дождь.

– Вы что, меняете тему? – Я так и прирос к креслу возле его стола, хотя видел, что он воспринимает меня как досадную помеху. Мне надо было задать ему кое-какие вопросы. – Небо затягивало уже, когда я вернулся. Что, дождь смоет все следы?

Он сохранял безмятежность, по-прежнему склоняясь над увеличительным стеклом.

– Однажды, Арчи, когда я решу, что терпеть тебя больше нет смысла, тебе придется жениться на женщине скромных умственных способностей, дабы обзавестись подходящим слушателем для твоих никудышных колкостей. Когда я упомянул дождь, то заботился лишь о твоем удобстве. Днем мне пришло в голову, что тебе стоило бы посетить Салливан-стрит, хотя это можно отложить и на завтра.

В подобное с трудом поверил бы всякий, кто не знал его так, как я. Мне-то было хорошо известно, что он на полном серьезе считает любой выход из дома пренеприятнейшим предприятием, а уж в дождь и вовсе авантюрой. Я возмутился:

– Вы за кого меня принимаете? Боитесь, я растаю? Конечно же, я поеду. В этом, кстати, и состоял первый мой вопрос. Как думаете, почему Анна Фиоре упорно

играла в молчанку с О’Грэйди? Потому что он уступает нам в такте и обаянии?

– Вероятно. Блестящая догадка, Арчи. Особенно если учесть, что сегодня я послал к ней Пензера. Она отозвалась на свое имя, да и то весьма неохотно, но больше не издала ни звука. Так что твой такт и обаяние пригодятся. Если получится, привези ее сюда к одиннадцати утра. Дело не великой важности. И если подождать, вреда не будет. Подобная стойкость достойна осады.

– Я поеду за ней сейчас же.

– Нет. Серьезно. Завтра. Сядь! Я бы предпочел, чтобы ты оставался здесь, праздный и бесполезный, пока я непонятно зачем изучаю сей бесперспективный цветок. Бесперспективный и бесплодный, очевидно. Как я отмечал ранее, иметь тебя под боком всегда приятно. Это напоминает мне, сколь огорчительным было бы присутствие здесь людей, жены например, от которых я не мог бы избавиться по собственной прихоти.

– Хорошо, сэр, – хмыкнул я. – Продолжайте в том же духе.

– Не сейчас. Не под дождь. Не люблю его.

– Ладно, тогда объясните мне кое-что. Как вы узнали, что Карло Маффеи убили? Как вы узнали, что Барстоу отравили? Как вы узнали, что в него всадили иглу? Конечно, после визита посыльного от Корлисса Холмса я понимаю, как это было проделано. Но как вы к этому пришли?

Вульф положил лупу и вздохнул. Я понимал, что мешаю ему, но приставал с вопросами не только из любопытства, но и в интересах дела. Он, похоже, не сознавал, что, хотя меня грела глубокая вера в его непогрешимость, я все же мог бы осмысленнее исполнять свою часть работы, если бы понимал, что? заставляет шестеренки вращаться. Не думаю, что он когда-нибудь сам удостоил меня откровенности в большом или малом, не донимай я его.

Он вновь вздохнул:

– Надо ли напоминать тебе, Арчи, что ответил бы Веласкес, спроси ты, почему у него на картине рука Эзопа прячется в складках хитона, а не висит вдоль тела?

Надо ли снова доказывать, что ученый охотно разъяснит тебе ход своих рассуждений, а художник посчитает расспросы неуместными? Движение его мысли безотчетно, как полет жаворонка или парение орла. Сколько говорить тебе, что я – художник.

– Ладно, сэр. Просто расскажите, как вы узнали, что Барстоу отравлен.

Он опять взялся за лупу. Я сидел и ждал, прикурив следующую сигарету. Она уже догорела, и я решил было пойти в залу почитать книгу или журнал, как вдруг он заговорил:

– Карло Маффеи пропал. Вероятно, был избит и ограблен. Случай довольно обычный. Если бы не телефонный звонок и объявление. Звонок сам по себе небезынтересен, но важна угроза: «Это не я должен бояться». Объявление привносит детали. Пока оно не обнаружилось, Маффеи был одним из многих. Теперь же выясняется, что он способен придумать и изготовить некий сложный и замысловатый механизм. Слово «механика» в объявлении являлось определяющим. И оно наталкивало пытливый ум на великолепные догадки. Затем, совершенно случайно, как случайно было само возникновение жизни, обнаруживается, что Маффеи в день своего исчезновения вырезал из газеты сообщение о гибели Барстоу. Что ж, перечитаем эту статью еще раз и поищем в ней то, что может иметь касательство к Карло Маффеи. Что может быть общего между неприметным итальянским иммигрантом-слесарем и известным образованным и богатым ректором университета? Связь, однако, существует. И несопоставимость этих двух личностей может сделать ее более явной, если она хоть сколько-нибудь различима. Итак, есть статья. Нужно найти связь, если она имеется. Обдумать каждое слово, отбрасывая его и переходя к следующему, только если оно наверняка ничего в себе не несет. В момент падения – а также непосредственно перед тем – Барстоу держал в руках и использовал целый набор приспособлений, которые, хоть и не являются сложными замысловатыми механизмами, легко преобразуются в таковые. Картина сложилась полностью. Обосновывать ее не требовалось. Достаточно было созерцать как произведение искусства. Однако изображение стоило зафиксировать. Поэтому я спросил мисс Фиоре, видела ли она в комнате Маффеи клюшку для гольфа. Ее реакция говорила сама за себя.

– Понятно, – отозвался я. – А если бы девчонка просто сделала невинные глаза и сказала бы, что никогда клюшки не видела?

– Я уже говорил, Арчи, что не доставлю тебе удовольствия, отвечая на гипотетические вопросы.

– Удобная отмазка.

Вульф печально покачал головой:

– Ответить значило бы признать допустимость подобного жаргона. Я уже понял, что ожидать от тебя большего бессмысленно. Откуда, черт возьми, мне знать, как бы я поступил? Пожалуй, пожелал бы ей спокойной ночи. Нашел бы я то, что позволит навести лоск на мою картину, в другом месте? Может, да, а может, нет. Вот как бы ты ел, если бы голова у тебя сидела задом наперед?

Я ухмыльнулся:

– Уж не голодал бы. Как и вы. Уж это-то я знаю наверняка. Но откуда вы узнали, что Маффеи был убит?

– Я этого не знал, пока не пришел О’Грэйди. Ты слышал, что? я ему сказал. Полиция обыскала комнату Маффеи. На то могло быть лишь две причины: он замешан в преступлении, или его убили. В свете остальных фактов первое было маловероятно.

– Хорошо. Свой главный вопрос я приберег напоследок. Кто убил Барстоу?

– А-а, – тихо протянул Вульф. – Это уж будет совсем другая картина, и, надеюсь, дорогая. Она недешево обойдется покупателю и принесет неплохую прибыль художнику. Одна из фигур на ней достойна внимания. Продолжая банальную метафору, мы не встанем к мольберту, пока не убедимся, что нам за это заплатят. Впрочем, не совсем так. Мы начнем грунтовать полотно завтра утром, если ты сумеешь привезти сюда мисс Фиоре.

– Давайте я съезжу за ней сейчас? Всего лишь начало десятого.

– Нет. Слышишь, как льет? Завтра съездишь.

Я знал, что настаивать бесполезно, и принялся листать журналы, а когда они мне вконец надоели, надел плащ и отправился на часок в кино. Никому, кроме себя, не признался бы, но на душе у меня было неспокойно. Подобное ощущение частенько накатывало на меня и раньше, но легче от этого не становилось. Я был совершенно уверен, что Вульф никогда не даст нам упасть в яму, не имея под рукой лестницы, чтобы из нее выбраться, но порой меня охватывали ужасные сомнения. На всю оставшуюся жизнь мне запомнилось, как он прижал президента банка – точнее, это сделал я, – на том лишь основании, что авторучка на его столе не была заправлена чернилами. И никогда в жизни я не испытывал большего облегчения, чем когда часом спустя банкир застрелился. Однако не стоило и пытаться хоть немного осадить Вульфа. Я, во всяком случае, на это времени больше не тратил. Стоило мне только заикнуться о возможности ошибки, как он отвечал: «Ты осознаёшь только зримые факты, Арчи. У тебя нет чутья на феномены». Я даже посмотрел в словаре значение слова «феномены», но так и не понял, что? он имел в виду, а спорить с ним было без толку.

В общем, на душе у меня снова скребли кошки, и поэтому я накинул плащ и отправился в кино, где можно было сидеть в темноте, таращась на что-нибудь, и занять мозг работой. Нетрудно было понять, как Вульф набрел на разгадку. Кто-то – назовем его Икс – хотел убить Барстоу. Он разместил объявление в газете, чтобы найти специалиста, способного кое-что для него сделать, причем такого, который собирается навсегда покинуть страну. Если впоследствии специалист и проявит излишнее любопытство, вреда Иксу это уже не причинит. Маффеи откликнулся на объявление и выполнил заказ – так переделал клюшку для гольфа, что при контакте вставки на ударной поверхности с мячом срабатывал спусковой механизм, выстреливающий иглой на другом конце рукоятки. Возможно, Икс преподнес это как пробу мастерства, сулящую в случае успеха новый заказ в Европе. Однако он столь щедро заплатил итальянцу, что Маффеи решил не возвращаться на родину. Как бы то ни было, Икс использовал клюшку по назначению, заменив ею точно такую ж клюшку Барстоу. Наткнувшись на статью в понедельничной «Таймс», Маффеи сообразил, что к чему. Оно и понятно: уж больно необычную штуковину ему заказали. Когда Икс позвонил, Маффеи встретился с ним, поделился своими подозрениями и попытался шантажировать. Вспыхнула ссора. На этот раз Икс не стал подыскивать слесаря, сведущего в проектировании и механике, а попросту пырнул Маффеи ножом, оставив орудие убийства в ране, чтобы не запачкать обивку автомобиля. Потом он поколесил по холмам Уэстчестера, пока не нашел укромное местечко, оставил тело в кустах и вытащил нож, который затем выбросил в ближайший водоем. Вернувшись домой в обычное время, он пропустил рюмашку-другую перед отходом ко сну, а когда проснулся на следующее утро, то вместо обычного

делового костюма надел визитку, потому что собирался на похороны своего друга Барстоу.

Конечно же, это была картина Вульфа, и картина что надо, но вот о чем я размышлял, сидя в кинотеатре: хотя она строилась на фактах, используемых без натяжек, то же самое можно было сказать и о воззрениях тысячелетней давности, гласивших, что Солнце обращается вокруг Земли. Это не противоречило ни одному из известных тогда фактов. Но вот что сказать о фактах неизвестных? Между тем Вульф ставит на кон десять штук и свою репутацию ради того, чтобы Барстоу выкопали. Как-то один клиент заявил Вульфу, что тот несказанно беспечен. Мне это понравилось, да и Вульфу тоже. Но это не спасало от тягостных опасений, что при вскрытии Барстоу обнаружат обычный коронарный тромбоз и никаких инородных тел в брюшной полости. Тогда целую неделю все стражи законности, начиная с окружного прокурора и заканчивая рядовым фараоном в Бат-Бич, будут потешаться над нами, экономя двадцать центов, которые могли бы потратить на Микки Мауса. Я был не настолько упертым, чтобы отказывать человеку в праве на ошибку, но понимал, что тот, кто, подобно Вульфу, кичится свой непогрешимостью, просто обязан всегда оказываться правым.

И все-таки в некоторых вещах я твердо стоял на своем. Какими бы великими ни были мои терзания, я все равно не сомневался, что Вульф прав. С тем я и отправился спать, когда по возвращении из кино обнаружил, что Вульф уже поднялся в свою спальню.

Следующим утром я проснулся в начале восьмого, но из кровати выбираться не спешил. Знал, что, если встану и оденусь, все равно буду слоняться без дела. Бессмысленно было привозить Анну Фиоре до того времени, как Вульф спустится из оранжереи. Я лежал, позевывая, и разглядывал лесной пейзаж, фотографию родителей, а потом вновь закрыл глаза – не для того, чтобы вздремнуть, ибо выспался, а чтобы посмотреть, сколько уличных звуков смогу распознать. За этим занятием и застал меня Фриц.

– Доброе утро, – поприветствовал его я. – Мне, пожалуйста, грейпфрутовый сок и чашечку шоколада.

Фриц улыбнулся. Улыбка у него была приятная, рассеянная. Шутки он понимал, но отвечать на них никогда не пытался.

– Доброе утро. Внизу джентльмен. Он хочет повидаться с мистером Вульфом.

Я сел:

– Как его зовут?

– Представился Андерсоном. Визитки не дал.

– Что?! – Я спустил ноги с кровати. – Так-так-так-так. Это не джентльмен, Фриц, это нувориш. И мистер Вульф надеется, что скоро богатства у него поубавится. Скажи ему… Нет, не утруждайся. Я сейчас спущусь.

Я смочил лицо холодной водой, оделся на скорую руку и наспех причесался. Затем спустился вниз.

Когда я зашел в кабинет, Андерсон и не подумал встать. Он так загорел, что на улице с первого взгляда я его и не узнал бы. Вид у него был сонный и раздраженный, волосы причесаны не аккуратнее моих.

Я назвался:

– Арчи Гудвин. Не думаю, что вы меня помните.

Он даже не пошевелился в кресле:

– Не помню, простите. Я пришел повидаться с Вульфом.

– Да, сэр. Боюсь, вам придется немного подождать. Мистер Вульф еще не встал.

– Недолго, надеюсь.

– Не могу знать. Сейчас выясню. Прошу меня извинить.

Я смылся в прихожую и какое-то время постоял у подножия лестницы. Мне было необходимо решить, захочет ли Вульф нарушить заведенный распорядок ради этого визитера. Было без четверти восемь. В конце концов я поднялся по

лестнице, прошел по коридору и остановился футах в десяти от его двери, там, где на стене располагалась кнопка. Нажав ее, я тут же услышал его тихий голос:

– Ну?

– Отключите рубильник. Я войду.

Раздался щелчок, после которого донеслось:

– Входи.

В постели Вульф являл собой нечто невозможное: пока не увидишь воочию, ни за что не поверишь. Сие зрелище я наблюдал часто, но оно оставалось сущим пиршеством для моих глаз. Сверху в любое время года обязательно располагалось толстое черное шелковое одеяло. Оно отвесно спускалось во все стороны с возвышения посередине, и, чтобы увидеть лицо Вульфа, нужно было встать как можно ближе, а затем наклониться и заглянуть под балдахин над изголовьем. Этот навес из черного шелка простирался на фут дальше вульфовского подбородка и довольно низко свешивался с трех сторон. Под ним-то, словно лик божества в храме, из белой подушки выступала его большая жирная физиономия.

Из-под одеяла появилась рука Вульфа и дернула за шнур, свисавший справа. Балдахин сложился и отошел назад к спинке кровати. Вульф сощурился. Я сообщил ему, что внизу его ожидает Флетчер Т. Андерсон.

Он выругался. Мне не нравилось, когда он ругался. Это действовало на нервы. А все потому, что в его устах, как он однажды поведал, ругательство было не выплеском эмоций, а обдуманным изъявлением глубинного желания. Ругался он редко, но в то утро изрыгал проклятия одно за одним. Наконец он прорычал:

– Уйди! Давай убирайся!

Заикаться мне тоже не нравилось:

– Но… Но… Андерсон…

– Если мистер Андерсон хочет увидеть меня, он может подождать до одиннадцати. Но это излишне. За что я тебе плачу?

– Очень хорошо, сэр. Конечно же, вы правы. Я нарушил правило и получил нагоняй. Но теперь, когда с этим покончено, могу я предположить, что было бы все-таки неплохо увидеться с Андерсоном…

– Не можешь.

– А десять тысяч долларов?

– Нет.

– Во имя всего святого, сэр, почему нет?

– Черт побери, ты изводишь меня! – Вульф повернул голову на подушке, вытянул руку и ткнул в мою сторону пальцем: – Да, изводишь. Но временами это бывает весьма полезно, так что я не буду брюзжать. Вместо этого я отвечу на твой вопрос. Я не встречусь с мистером Андерсоном по трем причинам. Во-первых, я еще не встал с постели, я не одет и пребываю в дурном настроении. Во-вторых, ты вполне можешь и сам уладить с ним дело. В-третьих, я усвоил науку эксцентричности: стоит ли трудиться над созданием репутации чудака, если при малейшем подстрекательстве возвращаешься к нормальному образу действий? А теперь убирайся! Немедленно.

Я вышел из спальни, спустился вниз в кабинет и сообщил Андерсону, что если он готов подождать, то может увидеться с мистером Вульфом в одиннадцать часов.

Естественно, он ушам своим не поверил, а когда убедился, что ничего иного не услышит, то взорвался. Судя по всему, особенно его возмущало, что он прибыл в дом Вульфа прямо из спального вагона с Центрального вокзала, хотя я не понимал, что здесь такого. Я объяснил ему несколько раз, в чем тут штука: такая вот странность, ничего не попишешь. Сказал и о том, что вчера был в Уайт-Плейнсе, поэтому в курсе ситуации. Это как будто его немного успокоило, и он начал забрасывать меня вопросами. Я скармливал ему историю по кусочкам, и меня от души повеселило выражение его лица, когда он узнал, что Дервин пригласил Бена Кука. Выслушав все, он откинулся в кресле, потер нос и устремил взгляд куда-то над моей головой.

Наконец он опустил свой взор на меня:

– Ну и поразительное же заключение сделал Вульф, не так ли?

– Да, сэр. Что верно, то верно.

– Тогда у него должна быть какая-то поразительная информация.

Я усмехнулся:

– Мистер Андерсон, я бы с удовольствием с вами потолковал, но к чему попусту тратить время? Что касается поразительной информации, и я, и Вульф будем немы, как музейные мумии, пока не раскопают могилу и не произведут вскрытие Барстоу. Так-то вот.

– Что ж, очень плохо. Я мог бы предложить Вульфу вознаграждение за специальное расследование… Расследование и отчет.

– Вознаграждение? Это слишком расплывчато.

– Скажем, пятьсот долларов.

Я покачал головой:

– Боюсь, он слишком занят. И я – тоже. Возможно, мне придется этим утром поехать в Уайт-Плейнс.

– Вот даже как! – Андерсон прикусил губу и взглянул на меня: – Знаете, мистер Гудвин, я редко выхожу из себя, но не кажется ли вам, что это скверная затея? Или, лучше сказать, неэтичная.

Это меня взбесило. Я посмотрел ему прямо в глаза:

– Послушайте, мистер Андерсон. Вы сказали, что не помните меня. Зато я помню вас. Вы ведь не забыли дело Голдсмита пять лет назад? От вас бы не убыло, если бы вы сообщили, что Вульф снабдил вас кое-какой полезной информаций. Ну да

бог с ней. Положим, у вас имелись какие-то особые причины об этом не распространяться. Мы не возражали. Но вы обернули дело так, что Вульф получил пятно на репутации вместо причитавшегося ему по праву, и теперь толкуете об этике? Должно быть, у вас о ней какие-то особые представления.

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Ну конечно. Но если я поеду сегодня в Уайт-Плейнс, кое-кто узнает, о чем я говорю. И что бы вы ни получили на сей раз, вы за это заплатите.

Андерсон улыбнулся и встал:

– Не беспокойтесь, Гудвин. Сегодня в Уайт-Плейнсе вы не понадобитесь. Основываясь на полученной информации, я определенно решил эксгумировать тело Барстоу. Вы или Вульф будете здесь в течение дня? Возможно, позже я захочу связаться с ним.

– Вульф всегда здесь, но между девятью и одиннадцатью, а также четырьмя и шестью он недоступен.

– М-да. Вот чудак!

– Да, сэр. Ваша шляпа в прихожей.

Стоя у окна в зале, я проследил за тем, как отъезжает его такси. Затем вернулся в кабинет, к телефону. Я колебался, но все же верил, что Вульф прав, а если и нет, немного рекламы нам не помешает. Так что я позвонил в редакцию «Газетт» Гарри Фостеру. По счастью, он оказался на месте. «Гарри? Это Арчи Гудвин. Тут для тебя кое-что есть, но пока будь тише воды ниже травы. Этим утром в Уайт-Плейнсе окружной прокурор Андерсон собирается получить разрешение суда на эксгумацию и вскрытие тела Питера Оливера Барстоу. Скорее всего, он попытается провернуть это втихомолку. Но я подумал, что тебе захочется прийти ему на помощь. И еще. Однажды, когда настанет время, я был бы рад поведать тебе, что? заставило Андерсона проявить любопытство… Не стоит».

Я поднялся к себе, побрился и подобающе оделся. Когда я с этим покончил, а затем позавтракал и немного поболтал на кухне с Фрицем о рыбе, было уже

полдесятого. Я отправился в гараж за родстером, заправил его и двинул на юг, к Салливан-стрит.

Поскольку было время занятий в школе, улица оказалась не такой шумной и грязной, как в прошлый раз. Появились и другие отличия. Я мог бы ожидать чего-то подобного, но был застигнут врасплох. На двери красовалась большая черная розетка со свисающими длинными черными лентами, а над ней – крупный венок из листьев и цветов. Поблизости, в основном на противоположной стороне улицы, околачивалось несколько человек. Чуть поодаль на тротуаре маячил коп, выглядевший безразличным, хотя он явно встрепенулся, когда мой родстер замер в нескольких ярдах от двери с венком. Я выбрался из машины и подошел к нему поздороваться.

В ход пошла моя визитка:

– Арчи Гудвин из конторы Ниро Вульфа. Сестра Маффеи привлекла нас к его поискам за день до обнаружения тела. Я приехал повидаться с домовладелицей и поспрашивать немного.

– Вот как? – Коп сунул визитку в карман. – Да я, собственно, ничего на знаю. Стою здесь, и все. Арчи Гудвин? Приятно познакомиться.

Мы пожали друг другу руки, и, заходя в дом, я попросил его присмотреть за моей машиной.

Миссис Риччи как будто не очень обрадовалась, увидев меня, но я вполне понимал ее чувства. Детектив О’Грэйди наверняка устроил ей разнос за то, что она позволила мне прихватить кое-что из комнаты Маффеи, – конечно же, без малейших на то прав или оснований, но таковые ему и не требовались. Я усмехнулся, когда домовладелица поджала губы, приготовившись к вопросам, которые я, по ее мнению, приехал задавать. Когда наверху ожидает погребения тело убитого, ничего веселого тут нет, даже если он и был всего лишь постояльцем. Так что я выразил ей сочувствие, а затем сказал, что хотел бы повидаться с Анной Фиоре.

– Она занята.

– Конечно. Но это важно. С ней хочет поговорить мой шеф. Это займет всего лишь час или около того. Вот пара долларов…

– Нет! Ради всего святого, оставьте нас в покое! Дайте несчастной женщине похоронить своего брата, не донимайте расспросами! Да кто вы такой…

Естественно, она только вывела бы меня из себя. Какой-либо помощи от нее ожидать не приходилось, она даже не стала бы меня слушать, так что я оставил всякие попытки с ней договориться и вернулся в переднюю. Дверь в столовую открыта, но там никого. Прокравшись туда, я услышал в коридоре шаги. Глянул в дверную щель и заметил возле лестницы миссис Риччи. Она одолела один марш и, судя по звукам шагов, взялась штурмовать следующий. Я стоял за дверью, выжидая, и удача улыбнулась мне. Не прошло и десяти минут, как шаги на лестнице смолкли и я увидел в щель Анну. Я тихонько позвал ее. Она остановилась и огляделась по сторонам. Не повышая голоса, я подсказал:

– В столовой.

Девушка приблизилась к дверям, и я вышел из укрытия.

– Привет, Анна. Миссис Риччи велела мне подождать здесь, пока ты не спустишься.

– Ой! Мистер Арчи.

– Кто же еще? Я приехал за тобой. Отвезу на прогулку. Миссис Риччи разозлилась, что я явился за тобой, но помнишь, в среду я дал ей доллар? Сегодня дал два, и она согласилась. Но поспеши, я обещал вернуться до полудня. – Я схватил Анну за руку, но она выдернула ее.

– В той же машине, что и позавчера?

– Ну да. Пошли же.

– Моя жакетка наверху, и только посмотрите на мое платье.

– Для жакетки слишком тепло. Живей. Вдруг миссис Риччи передумает? Мы можем купить тебе что-нибудь… Давай же.

Решительно взяв девушку за руку, я потащил ее из столовой по коридорчику ко входным дверям. Однако мне вовсе не хотелось выглядеть обеспокоенным на улице. Наперед не угадаешь, сколь важным мог возомнить себя тот коп. Любое его вмешательство способно все испортить. Поэтому я распахнул дверь и объявил:

– Иди садись, а я попрощаюсь с миссис Риччи.

Я выждал лишь две секунды и последовал за ней. Она еще только открывала дверцу. Я обошел машину, сел за руль, нажал на стартер, помахал рукой фараону и рванул с места по Салливан-стрит, чтобы окрик из верхних окон потонул в реве двигателя и не потревожил ушей Анны.

Она, определенно, была пугалом. Платье ее имело тот еще вид. Но я нисколько не стыдился такого соседства, когда по дороге домой объезжал Вашингтон-сквер и выруливал на Пятую авеню. Ничуть. Часы на приборной панели показывали двадцать минут одиннадцатого. Анна поинтересовалась:

– Куда мы едем, мистер Арчи?

– Видишь, сиденье такое низкое, что можно не волноваться о платье, – ответил я. – С улицы видно только твое лицо, а с ним все в порядке. Что скажешь, если мы прокатимся по Центральному парку? Утро просто чудесное.

– О да.

На протяжении десяти кварталов мы оба не проронили ни слова, а потом она снова произнесла:

– О да.

Несомненно, она здорово проводила время. Я проехал по Пятой авеню и на Шестидесятой улице свернул в Центральный парк. На западной стороне по Риверсайд-драйв доехал до Сто Десятой улицы и затем до Национального

мемориала генерала Гранта, где сделал круг и повернул обратно. Не думаю, что она хоть раз взглянула на деревья, траву или реку. Объектом ее внимания были люди в других машинах. Было без пяти одиннадцать, когда я остановился перед фасадом дома Вульфа.

Миссис Риччи звонила уже дважды. Вид у Фрица был презабавный, когда он сообщил мне об этом. Я немедленно позвонил ей и отчитал, потребовав не чинить препятствий правосудию. Не знаю, многое ли она услышала из-за своих воплей, но вроде бы такой подход сработал. Больше она не тявкала до полудня, когда я повез Анну домой.

Вульф явился как раз во время моего звонка миссис Риччи. Я наблюдал, как по пути к своему столу он остановился пожелать девушке доброго утра. С женщинами он вел себя галантно. Он имел о них какое-то извращенное представление, в котором я так и не разобрался, но каждый раз, когда я видел его с одной из них, он неизменно был сама галантность. Я не смог бы описать его поведение при этом, ибо сам его не постигал. Конечно же, трудно представить себе, как может быть галантной эта глыба складчатой плоти, но что было, то было. Даже когда он угрожал какой-нибудь дамочке, как в тот раз, когда выжимал из Нюры Пронн правду о деле Дипломатического клуба. Я тогда получил наглядное представление о том, что значит «выжать как губку».

С Анной Фиоре он начал мягко. Бегло просмотрев почту, повернулся к ней и молча смотрел почти минуту, прежде чем сказал:

– Нам больше не нужно строить догадки относительно местонахождения вашего друга Карло Маффеи. Примите мои соболезнования. Вы видели тело?

– Да, сэр.

– Прискорбно, весьма прискорбно, ибо он не стремился к насилию, а лишь случайно оказался на его пути. Достойно удивления, на какой тонкой ниточке может висеть судьба человека. Например, мисс Фиоре, судьба убийцы Карло Маффеи зависит от того, когда и при каких обстоятельствах вы видели клюшку для гольфа в комнате вашего жильца.

– Да, сэр.

– Ну вот, теперь вам будет легко рассказать нам все. Возможно, позавчера мой вопрос воскресил в вашей памяти тот случай.

– Да, сэр.

– Так воскресил?

Девушка открыла было рот, но ничего не сказала. Я внимательно наблюдал за ней, и она показалась мне какой-то странной. Вульф вновь спросил:

– Так воскресил?

Она молчала. Не нервничала, не боялась, насколько я мог видеть. Просто молчала.

– Когда я спросил вас об этом позавчера, мисс Фиоре, вы показались немного расстроенной. Я сожалею об этом. Не скажете ли, почему вы расстроились?

– Да, сэр.

– Быть может, вас расстроили воспоминания о чем-то неприятном, происшедшем в тот день, когда вы увидели клюшку?

Снова молчание. Я видел: что-то неладно. Последний вопрос Вульф задал так, словно тот ничего не значил. Мне, знакомому с оттенками его интонаций, было ясно, что это и впрямь не слишком его занимает. По крайней мере, пока. Что-то увлекло его по другому следу. Почти сразу же он выстрелил в нее следующим вопросом, и тон его был уже другим:

– Когда вы решили отвечать «да, сэр» на все, что бы я ни спросил вас?

Ответа не последовало, но Вульф продолжил, не ожидая его:

– Мисс Фиоре, я хотел бы, чтобы вы поняли следующее. Мой последний вопрос не имеет никакого отношения ни к клюшке, ни к Карло Маффеи. Вы разве не заметили? Что ж, если вы решили на все мои вопросы о Карло Маффеи отвечать только «да, сэр», так тому и быть. Вы имеете на это полное право, раз уж так

решили. Но если я спрашиваю вас о чем-то другом, вы уже не вправе отвечать «да, сэр», потому что ничего такого вы не решали. Обо всем прочем вы должны отвечать так же, как отвечал бы любой другой. Итак, когда вы решили говорить мне только «да, сэр», было ли это продиктовано каким-то поступком Карла Маффеи?

Анна не отрываясь смотрела ему в глаза. Было очевидно, что она не подозревает его в чем-то и не бросает ему вызов – просто пытается его понять. Так они и смотрели друг на друга. Наконец через минуту она ответила:

– Нет, сэр.

– А! Хорошо. Это не было продиктовано каким-то его поступком. Значит, это не имело к нему отношения, и вы вполне можете ответить на любой мой вопрос об этом. Вы должны это понимать. Раз уж вы решили ничего не говорить мне о Карло Маффеи, спрашивать вас я не буду. Но это другое дело. Решили ли вы отвечать «да, сэр» мистеру О’Грэйди – человеку, который приходил и допрашивал вас вчера утром?

– Да, сэр.

– Почему вы так поступили?

Она нахмурилась, но ответила:

– Потому что кое-что произошло.

– Хорошо. Что же произошло?

Она покачала головой.

– Давайте же, мисс Фиоре. – Вульф сохранял спокойствие. – Ничто не мешает вам мне ответить.

Она повернула голову, посмотрела на меня, затем снова на него и наконец произнесла:

– Я скажу мистеру Арчи.

– Хорошо. Скажите мистеру Арчи.

Она обратилась ко мне:

– Я получила письмо.

Вульф бросил на меня быстрый взгляд, и за расспросы принялся я:

– Ты получила письмо вчера?

Она кивнула:

– Вчера утром.

– От кого?

– Не знаю. Имени не было. Оно отпечатано на машинке. На конверте только мое имя, Анна, и адрес, никакой фамилии. Почту из ящика достает миссис Риччи. Она принесла мне письмо, но я не захотела открывать его рядом с ней, потому что никогда не получала писем. Я спустилась вниз, где сплю, и открыла его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/reks-staut/poznakomtes-s-niro-vulfom-2/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными

картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Родстер – двухместный автомобиль с открытым кузовом и откидным верхом. – Ред.

2

«Нидикс» – сеть дешевых ресторанчиков быстрого питания, где подавали кофе с пончиками, а позднее хот-доги с фирменной горчицей. Долгие годы была одной из характерных примет Нью-Йорка. – Ред.

3

Национальное управление экономического восстановления – одно из федеральных ведомств, проводивших в жизнь рузвельтовский «Новый курс», который был призван вывести США из Великой депрессии. – Перев.

4

Это написанное в 1912 году полотно французского художника Поля Эмиля Шабаса (Шаба, 1869–1937) приобрело скандальную известность в США благодаря протестам Нью-Йоркского общества по искоренению порока, объявившего его безнравственным. Репродукции продавались так бойко, что со временем стали расхожим примером китча. – Ред.

5

Джон Дж[озеф] Макгро (1873–1934) – прославленный игрок и менеджер команды «Нью-Йорк джайнтс». В его время судья на поле был один, и всякий раз, когда рефери отвлекался на полет мяча, Макгро использовал эту возможность, чтобы препятствовать продвижению игроков команды противника. – Перев.

6

Речь идет об одном из самых громких преступлений XX века – похищении и убийстве в 1932 году полуторагодовалого сына Чарльза Линдберга (1902–1974), знаменитого американского авиатора. Агата Кристи отчасти использовала эту историю в романе «Убийство в Восточном экспрессе». – Ред.

7

Драйвер – клюшка для самого дальнего удара с самой длинной рукоятью. – Перев.

8

Эта магистраль, проложенная в обход населенных пунктов, идет с плавными поворотами по парковой полосе. – Ред.

9

[Эдвард] Гиббон (1737–1794) – английский историк, наиболее известный как автор труда «История упадка и разрушения Римской империи». [Леопольд фон] Ранке (1795–1886) – официальный историограф Пруссии, разработчик методологии современной историографии. [Публий Корнелий] Тацит (середина 50-х – около 120 года) – древнеримский историк, один из самых известных писателей античности. [Джордж Вашингтон] Грин (1811–1883) – американский историк, автор исследований об Американской революции и Войне за независимость. – Перев.

10

[Сервий Сульпиций] Гальба (3—69 г. до н. э.) и [Авл] Вителлий (15–69 г. н. э.) – древнеримские императоры. – Перев.

Купить: https://tellnovel.com/ru/reks-staut/poznakomtes-s-niro-vulfom-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить